

Антон Емельянов и Сергей Савинов

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. 1904
Книга четвертая

Сергей Савинов

Японская война 1904.

Книга четвёртая

«Емельянов Антон»
«Савинов С.А.»

2026

Савинов С. А.

Японская война 1904. Книга четвёртая / С. А. Савинов —
«Емельянов Антон», «Савинов С.А.», 2026

Обычно книги о Русско-японской войне – это сражения на море. Крейсер «Варяг», Порт-Артур, Цусима Но ведь в то время была еще и большая кампания на суше, где были свои герои, где на Мукденской дороге встретились и познакомились будущие лидеры Белого движения, где многие впервые увидели знамения грядущей мировой войны и революции. Что, если медик из сегодня перенесется в самое начало 20 века в тело русского офицера? Совсем не героя, а сволочи и формалиста, каких тоже было немало. Исправить репутацию, подтянуть медицину, выиграть пару сражений, а там – как пойдет. Продолжение приключений попаданца на Русско-японской войне. Ляоян – наш, но выстоит ли Порт-Артур? И иностранные партнеры что-то зашевелились, не к добру это.

© Савинов С. А., 2026

© Емельянов Антон, 2026

© Савинов С.А., 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Савинов

Японская война 1904. Книга четвёртая

Глава 1

Император и Самодержец Всероссийский Николай Александрович Романов категорически не понимал, что сейчас творится на востоке его империи. И ведь он всего лишь хотел укрепить личную власть, которую после смерти отца все только и норовили растащить по кусочкам, но... Каким-то образом еще недавно дикая Япония сумела силой распахнуть дверь в клуб великих держав, а никто в Европе словно не желал видеть опасности, притаившейся в этих раскосых и жадных очах.

– Аликс... – он остановился и посмотрел на жену в поисках поддержки. Для всех Александра Федоровна, для него – Алиса, Аликс, его опора.

– Да, Ники?

– Почему?... Я уже несколько месяцев переписываюсь с Вильгельмом, чтобы тот пообещал мне мир на время войны с Японией, но... Он просто тянет время. Как будто это не Германии меньше всех в Европе нужно усиление Англии! Или Комб... Сколько заседаний совета министров Франции он провел безо всякой пользы? И только наша победа под Ляояном разворошила это болото. А ведь опять же, разве им это тоже не нужно?... Пусть Франция и начала сближение с Англией, но Соединенные Штаты, которые со всем энтузиазмом юности готовы сожрать их азиатские владения, никуда не делись. Я столько писал, что нужно пользоваться моментом, пока все в Вашингтоне заняты ноябрьскими выборами. Но нет, Комб не верит, что республиканец Рузвельт сможет избраться на полный срок... А как бы после этих просчетов ему самому не потерять своего места!

Аликс горячо поддержала Николая в его непонимании и несправедливости ситуации. Почему ради возможности подставить Россию все словно готовы наплевать и на свои национальные интересы?! А тем временем к ним заглянул Михаил, младший брат Николая, которого государь буквально месяц назад назначил регентом своего наследника на случай возможной кончины. Нет, сам Николай и не думал отправляться на тот свет, но Михаилу он полностью доверял, а идею с регентством воплощал и вовсе просто следуя примеру отца.

– Ваше величество, – последним на встречу малого круга заглянул министр финансов Коковцов, и Аликс, понимая, что теперь мужу нужно остаться в мужской компании, ушла в свои покои.

– Рассказывайте, – Николай кивнул Владимиру Николаевичу, и тот сразу же вытащил подготовленную заранее бумагу.

– Я не буду касаться военной стороны дела, только финансов, – сразу заметил министр, дождался кивка и продолжил. – Итак, для начала новости об успехе под Ляояном помогли стабилизировать курс рубля и вернуть его к показателям начала лета. Япония отреагировала на это падением йены, но новые кредиты от американских евреев вроде Якоба Шиффа позволили им удержаться на плаву. Более того, они сейчас увеличивают закупки снарядов и припасов под армию примерно в 200 тысяч человек.

– Оставим Японию, – Николай покачал головой. – Давайте сначала разберемся с нами. Что вы думаете о миссии, с которой на восток отправились Витте и Плеве?

– И ваш дядя, – напомнил Коковцов.

– Сергей Александрович просто присматривает, чтобы никто не наломал дров, ничего более, – отмахнулся Николай, – а вот эти двое вызывают у меня опасения.

Коковцов хотел было возразить государю, но сдержался.

– Про Плеве не скажу, министерство внутренних дел живет своей жизнью, а вот Витте...

– Да, что вы скажете про бывшего министра финансов? – подбодрил Коковцова Михаил, который до этого предпочитал лишь молча слушать. – Говорят, он все еще делает вид, будто финансы империи в его руках, но... После него это пост уже занимал Плеске, теперь вы. К чему ему эти игры?

– К чему – понятно, – вздохнул Владимир Николаевич. – Его нынешний пост председателя Комитета министров звучит красиво, но не дает ему совершенно никакой власти. А Сергей Юльевич привык к ней. Я бы не удивился, если он и отправился на восток, потому как там его имя еще не слуху, и он вполне может показать себя. Снова проложить себе путь наверх, как он уже делал это однажды.

– Не стоит опасаться этого, – покачал головой Николай. – Скажу честно, уход Витте был скорее не моей, а его инициативой. Нет чтобы пойти на разумные уступки, но он словно специально уперся...

– А это звучит еще менее приятно, – неожиданно ответил Коковцов. – Если кто-то сбегает с официальных постов в преддверии большой войны...

– Никто не ждал, что нас ждет именно большая война, – возразил Михаил.

– Те, кто вооружал Японию, рассчитывали именно на такой размах, – отмахнулся Коковцов. – А у Витте с нашими иностранными друзьями очень тесные отношения, так что я не удивился бы, если бы он специально решил уйти в тень, чтобы его имя не было связано с какими-то провалами.

– Провал на войне? – спросил Михаил.

– Учитывая, что за ним по пятам отправился Плеве – возможно, не только там, – Коковцов находил в сложившейся ситуации все больше и больше странностей.

– Долгоруковы, Шуваловы и Нарышкины вроде как тоже не очень довольны Витте, – добавил Михаил. – Ходят слухи, что тот мог найти себе новых покровителей.

– За границей? – нахмурился Николай.

– Вполне, – согласился Михаил. – Учитывая его интерес к финансам, договориться напрямую с французами или американцами ему было бы совсем несложно.

– Не думаю, – довольно резко возразил Коковцов.

– И почему же? – в голосе Михаила мелькнула усмешка. – Все-таки лично я считаю, что Сергей Юльевич любит Россию, поэтому никогда не связался бы с Германией или Англией, то есть теми, кто уже скоро может стать нашим врагом.

Николай про себя вздохнул. Ну как можно жить в этой стране без крепкой руки, когда единственный вопрос, который возникает при обсуждении верности одного из высших сановников империи, это даже не «продался ли он», а «кому»? Если так пойдет, то ведь и до уровня Порты можно будет очень быстро скатиться... Нет, не зря он начал прибирать к своим рукам восток империи, собирая там верных именно ему людей.

– В этом-то и дело, – тем временем Коковцов начал отвечать Михаилу, – вы смотрите на мир как на противостояние территорий, мы же с Сергеем Юльевичем больше обращаем внимание на противостояние капиталов. И тут все выглядит немного по-другому. Например, если посмотреть на глобус, то у нас почти нет противоречий с Францией, зато полно их с Германией. Если же отставить в сторону этот устаревший подход, то ситуация получится другой. Есть страны вроде нас или Германии, которые верят в реальные товары и хотят что-то создавать. Когда-то такой была Англия, но сейчас она, Франция и частично Соединенные Штаты превратились в экономики нового типа, где деньги – это не средство оплаты, а просто еще один товар, который можно и нужно продавать.

– То есть в этом разрезе мы с ними, считай, экзистенциальные враги, – задумался Михаил.

Николай предпочел ничего не говорить. Еще недавно он планировал рассказать о последнем отчете Плеве: тот нашел в Ляояне зверски убитую группу иностранцев, руководил которыми один старый знакомый Вячеслава Константиновича. Знакомый по Берлину. И вот теперь Николаю нужно было решать: стоит ли раскручивать маховик скандала или же, с учетом открытий Коковцова, лучше немного подождать. Например, чтобы лично поговорить с Вильгельмом... И теперь-то тот не откажется от сделки!

– Кстати, Владимир Николаевич, – Михаил продолжил расспрашивать Коковцова. – А что вы думаете про восходящую звезду генерала Макарова? Сначала он вроде бы неплохо себя проявил, вытащил тех пленников из Кореи, но потом... Самостоятельный рейд к Квантуну, когда он мог оказать помощь Порт-Артуру, но сбежал назад, лишь вымотав своих солдат. Или та непонятная ситуация под Ляояном. Да, он отбросил японцев, но опять же изначально они прорвались именно по границе его позиций. А те странные маневры на землях Китая? Повезло, что западные державы быстро забыли про эту оплошность, не став втаптывать нас в грязь, но... Это только из-за репутации Ники на мировой арене!

– Прошу прощения, – Коковцов снова вздохнул. – Лично я слышал все эти новости немного по-другому. Рывок к Квантуну смещал сроки наступления японцев по всем направлениям и увеличил объемы внутреннего займа почти на 12 процентов. Так же не буду касаться военной составляющей под Ляояном, но после него Макаров реформировал и снарядил 2-й Сибирский почти полностью за свой счет. Плюс его заказы на Путиловском, под которые они привлекли крупный французский займ и начали расширяться. Если честно, я давно такого не видел, чтобы военное министерство еще не провело конкурс, а заводчики уже начали что-то делать. А тут шевелятся, причем не только наши – а значит, смог Макаров их чем-то зацепить, смог.

– Вот только армия – это не про зарабатывание денег, – Михаил поджал губы. – Дядя тоже жалеет этого Макарова. Ругает, но не хочет ничего предпринимать, давая ему возможность проявить себя, а тот... Опять, как под Квантуном, только гоняет солдат туда-сюда, и никакой пользы.

– Насчет пользы я бы поспорил, – Коковцов опять отвел взгляд, но все же высказался. – Если бы вся армия работала как корпус Макарова, то мы бы могли не тратить на нее деньги, а чуть ли не зарабатывать... А мы же помним слова господина Бонапарта о том, что нужно для войны.

– Опять вы про деньги, деньги и еще раз деньги, – Михаил махнул рукой, но, заметив недовольный взгляд брата, не стал продолжать.

Николай тоже молчал. В чем-то он был согласен с Михаилом – ему хотелось даже не столько победить, сколько показать всему Петербургу и миру свою решительность. Ради этого ведь изначально все и затевалось... Однако, кого бы из министров он ни приглашал к себе на беседу, все находили в деятельности Макарова что-то полезное по своему ведомству. Учтя, что у него самого не всегда все было гладко с этими людьми, подобное единодушие выглядело подозрительно. Впрочем, желание рубить с плеча у него в итоге все же пропало.

Да, определенно надо было подождать. И точно еще раз обсудить все с Аликс, она всегда тоньше всех чувствовала, что будет лучше для него и для России.

Император Мацухито, более известный как Мейдзи Тэнно, ждал важного гостя. Вот за листами рисовой бумаги появилась тень, а после и ее хозяин сам без лишних церемоний вошел в личные покои своего повелителя. Когда-то... Мацухито помнил время, когда каждый гость, какое бы положение он ни занимал, припадал к земле перед владыкой Страны восходящего солнца. Это время прошло. С другой стороны, не стало поклонов, зато личной власти у императора Японии теперь было гораздо больше. И будет, особенно когда он победит Россию, и его страну окончательно признают одной из великих мировых держав.

– Ито, я рад, что, даже оставив свой пост, ты готов тратить время на своего императора, – Мацухито прищурился, давая Ито Хиробуми насладиться его словами.

Тот действительно заслужил признание. Первый премьер-министр Японии. Человек, который четырежды получал эту должность и лишь в 1901-м по собственному желанию ушел в отставку. Впрочем, и после этого Ито продолжал работать. Сначала пытался заключить договор с Россией, но общение с Витте так ни к чему и не привело. А потом он же, чтобы Япония не осталась одна, добыл сделку с Англией. Он был против войны, он был за союз с Россией и не стеснялся об этом говорить, но все равно сделал свое дело.

– Тэнно хэйка, – Ито склонил голову, используя обращение к божественному императору.

Да, он никогда не стеснялся признавать чужую власть. И то, что чутье еще не покинуло старого лиса, придало Мацухито энтузиазма. Пора было переходить к тому, ради чего он позвал к себе одного из своих гэнро.

– Я хотел бы узнать твое мнение об этой войне...

– Она не нужна нам, не с Россией.

– Не о самой войне, а о том, как она складывается, – Мацухито поморщился. Он не любил обсуждать то, что уже не изменить.

– Что ж, – Ито еле заметно склонил голову. – Мы добились успеха на море, но...

– Адмирал Того уверен, что сможет разбить даже новый русский флот, – сразу оборвал своего старого советника император.

– Я буду с ним согласен, только когда падет Порт-Артур, – покачал головой Ито. – Пока там стоят корабли 1-й Тихоокеанской эскадры, русские смогут собрать силу не равную, а даже превосходящую нас. И пока у их адмиралов остается возможность укрыться в его гавани, они не будут принимать бой с ходу, так что план подловить их где-нибудь к востоку от Японии или в Цусимском проливе просто не работает.

– Значит, Порт-Артур...

– Да, это ключ к будущей победе. И разве мы изначально не планировали взять Корею, Квантун и остановиться?

– Русские отступали. Мы могли сразиться сейчас на своих условиях или получили бы войну позже, когда они были бы готовы к ней гораздо лучше.

– И это еще одна причина, почему нам не стоило влезать в эту войну, – снова не выдержал Ито. – Как можно надеяться победить, когда нам приходится идти на такие ухищрения, чтобы достичь только части их силы? С новыми кредитами мы еще сможем какое-то время продолжать, и, пока армия будет расти тысяч до двухсот, наши силы будут равны. Но потом русские перевезут сюда триста тысяч солдат, четыреста...

– Мы выставим столько же.

– Да, я видел планы мобилизации. Это действительно возможно, но... Что будет со страной, если хотя бы половина, да хотя бы четверть от такой армии не вернется домой? А если нас разгромят? Потеряв сразу несколько поколений, Япония может уже никогда от этого не оправиться.

– Мы победим, – Мацухито понял, что успел отвыкнуть от старого Хиробуми, который пусть вежливо, но всегда говорил, что думает. В последние годы с ним никто так жестко не разговаривал, не боясь спорить с тем, что уже давно, кажется, было принято за бесспорную истину.

– Мы сделаем все, чтобы победить, – ну вот опять Ито поправил своего императора. – И вы, и я, и каждый из наших солдат, но... Исход войны будет зависеть не от нас, а от того, пойдет ли Россия до конца. Так нам уже один раз не повезло, когда у них нашелся тот удачливый генерал.

Мацухито снова поморщился. Неудача под Ляояном была обидна еще и потому, что ему пришлось лично просить о новых кредитах. А еще он подготовил такое насмешливое письмо с цитатами из трудов Куропаткина, которое бы красиво дополнило поражение русского главнокомандующего. Увы, все его едкие мысли так и остались лишь на страницах черновиков.

– Я бы не хотел говорить об удаче, – Мацухито перешел к своему изначальному вопросу. – В последние недели к нашей войне начали проявлять повышенный интерес Франция с Германией. Точно ли угроза Англии удержит их от вмешательства – неизвестно, но... Недавно в Ляояне была полностью вырезана вся наша агентура. Кто-то перехватил все контакты и несколько дней водил за нос как нас, так и русских, пока и его тоже не уничтожили. Так что вы думаете, останется ли эта война только нашим с Россией делом или же стоит готовиться к чему-то большему?

Император выдохнул, закончив такую длинную речь, и с удивлением отметил, что на этот раз Ито совершенно не спешит с ответом. А ведь казалось, они у него были готовы на совершенно любой случай!

– Так что вы думаете? – повторил Мацухито.

– Я думаю, что наша судьба в еще большей опасности, и теперь нам точно нельзя проигрывать. Репутация, деньги, территории – я бы больше не обращал на это внимание. Если разразится буря, то все это потеряет какое-либо значение. Только армия, только люди, только сила и... Я хотел бы попросить своего тэнно снова призвать меня на службу. Думаю, если выйти на контакт с моими старыми друзьями из России и детьми еще более старых врагов из Японии, я смогу принести пользу.

– Тогда, – решительно кивнул Мацухито, – я рассчитываю на вас, Хиробуми.

После того, как Склифосовский на старости лет уехал лечиться в свое имение, покинув столицу, как многие думали, уже навсегда, Эрнст фон Бергман стал ведущим авторитетом для российской и в чем-то даже мировой медицины. По крайней мере, он лично в этом не сомневался, как и многие его ученики, которые защитили уже сотни работ на основе его трудов по лечению коленных суставов или асептике...

Вот только благостная картина мира, к которой он почти привык, в последние месяцы начала трещать по швам. А все из-за врачей, которые по ранению возвращались из армии и пытались начинать свою практику, полные каких-то безумных идей. И ладно бы их пациенты умирали, как у большинства энтузиастов, но нет. Многие, кого сам фон Бергман был готов записать в трупы, шли на поправку. Антисептика вместо асептики, переливания крови вместо обильного питья – все это с каждым днем вызывало все меньше смехов и больше интереса.

Вот и сам Эрнст не выдержал и пригласил к себе в помощники молодого врача Гордова, успевшего послужить у самого Слащева, над недавней статьей которого он успел немало поиздеваться.

– Прошу, – он пропустил Гордова к пациенту бесплатной клиники.

Какой-то бродяга из деревни, испугавшийся гудка на заводе и бросившийся под лошадь. Случай неприятный – колено было раздроблено довольно сильно. Фон Бергман сам даже не стал бы пытаться его собрать, но этот выскочка... Только проследил за дезинфекцией раны, выждал, пока подействует укол с опиумом, и взялся за скальпель.

Фон Бергман пристально следил за работой фронтовика. Движения совсем не элегантные, но в то же время... Ничего лишнего. Разрез – ни на миллиметр больше, чем нужно, работа с осколками – без всякой суеты. Увы, сердце больного не выдержало и на двенадцатой минуте остановилось, вот только... Это была случайность, которая могла произойти с каждым. А вот сама операция, по мнению Бергмана, выходила очень даже успешно.

– Сколько вы таких делали на фронте? – спросил он Гордова, ожидая услышать цифру около десятка.

– Сто сорок семь.

– Так много?

– Вы, наверно, не читали статью доктора Слащева, – Гордов не заметил, как уколол фон Бергмана в самое сердце. – По предложению генерала Макарова госпитали в его полку, а потом и корпусе были разделены по направлениям. Так что я там, собственно, только по суставам и работал.

Сто сорок семь операций – неудивительно, что даже средний врач смог подняться до такого высокого уровня. Фон Бергман и раньше про себя соглашался с какими-то тезисами из той скандальной статьи, но... Теперь, увидев работу фронтовика своими глазами, он поверил в новый этап развития медицины. Вот только его сейчас больше интересовали не открытия – на старости лет они уже не так важны – а его собственная жизнь.

Врачи-одиночки вроде Гордова порождали слухи, но ничего принципиально не могли изменить. Но что будет, когда война закончится? Когда приедут тысячи, десятки тысяч таких вот хирургов, которые в разы будут превосходить тех, кто сидел дома? Да они лишат работы всех домоседов и стариков вроде него! Опять же не сразу, они ведь тоже не сдадутся без боя, но в итоге исход предрешен... Все, даже те чиновники, что сейчас с удовольствием берут его деньги, обязательно захотят поправлять здоровье только у лучших, а значит...

Можно было уйти прямо сейчас с поднятой головой или же... Фон Бергман вспомнил, как по столице ходили слухи, что на фронт собирался Павлов. Так почему бы и ему тоже не съездить в Маньчжурию? Пока никто еще ничего не понял, можно будет подгрести под себя всю эту новую волну. Вреден мешаться не будет. Военным, как обычно, наплевать. А кто там еще есть? Неожиданно фон Бергман вспомнил одно полезное имя. К нему же недавно приходили Гагарины и просили повлиять на их дочь, которая руководит каким-то госпиталем для легкораненых в Ляояне.

Женщина – и начальник целого госпиталя! До чего докатился этот мир... Впрочем, если подходить к делу грамотно, то ему будут нужны не только врачи, но и управляющие. И тогда эта Татьяна Гагарина может очень даже пригодиться. Про такое и газеты с радостью напишут за весьма скромное вознаграждение. Что там нужно? Вернуть ее домой к жениху Юсупову? С такой-то фамилией – да проще простого! А в итоге он получит благодарность от двух крайне влиятельных семей, новой молодой пары и сохранит свое положение.

Определенно без поездки на восток было не обойтись.

Стою, перевожу взгляд с карты на тонкую полоску рассвета над окрестностями Сяошахэ. Уже около часа гремят пушки – пока немного, и мы, и японцы усиленно делаем вид, что совершенно не готовы к этому бою... Но уже скоро все свершится, и я уверен в успехе. Ведь что значит, когда армия готова к атаке? Что у нее собран впереди ударный кулак, а позади... Не пустота, конечно, но сильно ослабленные позиции, которые мы и так уже несколько недель растягивали на пару километров в день.

– Значит... – рядом Лосьев закончил наносить на карту изменения в расположении наших сил и направлении ударов. – Мелехов их провоцирует, японцы бьют вперед, а мы вбиваем клинья в основание их атакующей колонны и отрезаем от остальной армии.

– В идеале бы сначала сдержать их натиск, а потом уже вводить резервы, организуя этот котел...

– Котел – хорошее слово.

– Не для тех, кто внутри, – я покачал головой. – Но варить врагов совсем уж академично у нас не хватит резервов. Поэтому просто будем действовать быстро, агрессивно, перехватывая инициативу и навязывая свою волю.

Разум говорил, что я поступаю довольно рискованно, но чутье... Оно прямо-таки кричало, что все получится. Я видел свои силы, видел врага и точно знал, что мы можем! Если

каждый сделает свое дело, если выложится по полной, то японцы кровью умоются! Лосьев кивнул. Он тоже был со всем согласен, ну, кроме академичности котлов, но теорию мы с ним еще после боя обсудим.

– 2-я дивизия на позиции! – от телеграфа долетел крик Чернова.

Шереметев доложил еще раньше. 1-й конно-пехотный пока в пути, но... У них еще есть время в запасе. А нам пора начинать, пока первый ход не сделали уже японцы. Опять мелькнула мысль – может, с обороной будет проще, но нет! Судьбу этого боя решит только движение, только инициатива!

Глава 2

Даже одна жизнь – это бесконечно много, но, когда смотришь за всем сражением сразу, думать об отдельных судьбах – это непозволительная роскошь. Генерал – это не человек, потому что одной пары глаз просто недостаточно, чтобы охватить все современное поле боя. Я смотрю глазами сотен разведчиков, я слушаю ушами тысяч офицеров, у меня даже мозг не один. Весь штаб трудится рядом в одной упряжке, беря на себя доведение каждого приказа по корпусу до конкретных задач на местах.

– Вскрыть сводные батареи за Чандапу и Чандапуцзы, – продолжил я, и через несколько минут в звуки боя добавился бас полноценного пушечного дивизиона.

Орудий мы на тех позициях собрали много, но разных: наши старые, японские трофейные, было и около десятка немецких из прошлого века, притащенных контрабандой из Китая. То, что нам самим было бы сложно использовать на дистанции – чинить, находить снаряды, корректировать таблицы стрельбы. А здесь и сейчас по плотности и ярости залпа они свою работу делали на все сто.

– Давай, Жирков! Получил капитана, отрабатывай! – шептал я про себя.

Да, я не могу жалеть людей, но помнить их мне это совсем не мешает. С Жирковым, еще поручиком, мы познакомились когда-то на Ялу, тогда он хорошо проявил себя вместе с Афанасьевым на трофейных пушках, и вот от пары стволов дорос до... дивизиона. Только бы выжил, собака!

– Минные команды выдвигаются. Подполковник Корнилов лично взялся их провести, – новый доклад.

Я стою с каменным лицом, а внутри нестерпимое желание набить одну наглую морду. Я ведь зачем Лавра Георгиевича туда отправил? Разведчиков курировать! Сейчас ему нужно было просто выделить сопровождающих и передвигаться на новый участок. А он куда полез? Да, пока пушки работают, перекрыть новыми минными постановками основные линии возможного наступления японцев очень важно, но...

– Скажите... – начал было я, но новый доклад меня опередил.

– Полковник Ванновский передает, что подстрахует на левом фланге лично.

И снова только киваю. Бывший мажор и бесполезный прожигатель жизни в моей истории в этой оказался ответственнее знаменитого белого генерала.

А тем временем сражение шло своим чередом. Японцы попробовали выждать, чтобы мы включились побольше, но... уж больно удачно пушки Жиркова работали по их плотным первым рядам. И Куроки, командующий стоящей напротив нас 1-й армией, не выдержал. Да он никогда и не любил сдерживаться, предпочитая сам навязывать врагу свою волю.

– 12-я дивизия атакует на стыке между нами и 6-м корпусом! – доклад, подтверждающий направление шевеления японцев, прилетел всего через минуту.

– 3-я и 5-я дивизии начинают накатывать с другой стороны! Гвардия с ними! Хотят взять нас в клещи! – Лосьев волновался, но пока все шло по плану.

Мы, конечно, могли только догадываться о точных намерениях Куроки и Оямы, но им было бы сложно сделать что-то совсем уж неожиданное. Поэтому мы довольно быстро подстроились под движение японской армии. Напротив Иноуэ оказалась дивизия Шереметева, напротив Хасэгавы и остальных – Мелехов. И снова бой на какое-то время повис в равновесии. Японцы подтягивали солдат, подтягивали пушки. И я все-таки ошибся.

Когда я узнал, что наш левый фланг атакуют более серьезные силы, то ожидал встретить там больше и артиллерии. Однако через час с той стороны все так же работали лишь 80 орудий, а вот 12-ю дивизию поддерживали почти две сотни. На 6-й корпус особой надежды изначально не было, а тут, попав под такой концентрированный обстрел, они просто откатились. Не под-

страхуй мы их, и вышло бы как под Ляояном, когда японцы ворвались в мягкое подбрюшье русской армии и могли бить в любом направлении, не опасаясь ни минных полей, ни серьёзных укреплений.

Но Шереметев сдержал этот натиск. Вернее, это сделал Алексей Борецкий, которому сегодня доверили мой старый 22-й полк. Вовремя выдвинувшись вперед, они перекрыли дорогу к Ляояну. Не заняли, подставляясь под обстрел, а перекрыли, окопавшись рядом на заранее подготовленных позициях, словно приглашая... Вы хотели пойти вперед? Так идите! Только не обещаем, что хоть кто-то сможет эту дорогу пережить.

Еще ничего не решилось, я чувствовал какое-то напряжение со стороны японцев и сам пока считал, что нужно выманить побольше их резервов. Но Шереметев на месте решил по-другому.

– Степан Сергеевич запрашивает разрешение перейти в атаку, – передал Чернов.

– Он уверен? – пока телефонные линии еще не повредили, и я пользовался этой роскошью на полную.

– Уверен. Говорит, что 12-я дивизия оголила фланг, но уже скоро окопается, и момент будет упущен.

– Тогда вперед, – я все еще чувствовал что-то неладное, но в то же время не собирался повторять ошибку Куропаткина, зажимая своих офицеров. Если Шереметев на месте видит шанс – надо бить. И если он ошибется, что ж, это будет моя ошибка.

На правом фланге заиграли трубы, и огромная машина 1-й штурмовой дивизии, которая до этого вообще не участвовала в сражении, пошла вперед. Два из трех оставшихся у нас на ходу грузовиков помогли первым ротам быстро добраться до вражеских рядов, закрепиться и начать подтягивать все новые и новые подкрепления.

На левом фланге ситуация развивалась примерно так же. Два полка 2-й дивизии Мелехова, выставленные в качестве заслона, сдержали удар, а потом основные силы обогнули японских кулак и ударили во фланг. Причем Хасэгава тоже попытался действовать быстро, даже двинул вперед конницу Акиямы, чтобы перехватить инициативу, но мы просто были быстрее. Первый встречный удар пехоты, а потом кавалерия, которой на свободном фланге было где разгуляться. Естественно, никто не рассчитывал на бодрый налет с шашками наголо, но две с половиной тысячи казаков Врангеля и Буденного, которые за считанные минуты преодолели километры до вражеских тылов, а потом спешили, удерживая плацдарм, оказались для японцев холодным душем.

И это было только начало. Вслед за ними Мелехов выдвинул вперед еще 2 тысячи конной пехоты, а батальон Хорунженкова с прыгающим на кочках последним грузовиком Славского и вовсе нацелились сразу на тыл.

– Подтягиваем железные дороги к левому флангу! – я тут же среагировал на этот успех, который нужно было закрепить регулярным подвозом снарядов. – И мне нужна связь на передовой! Любой ценой!

Не люблю последнюю фразу, но... Когда отряд Хорунженкова полностью выпал из поля зрения, и даже бинокль не помогал заглянуть за сопки и линию горизонта, другого выбора не было. Я на несколько минут погрузился только в события на левом фланге, упустив из вида правый, а когда посмотрел туда, чуть не выругался.

– Срочно! Передавайте Шереметеву, чтобы откатывался назад! – я словно почувствовал дыхание смерти, взглянувшей на наступающие части 1-й штурмовой.

Они шли медленно, с боем, и японцы отступали, но не перед мужеством русских солдат, а загоняя тех на такие удобные для обстрела позиции. В этот момент я словно вживую увидел десятки спрятанных до последнего батарей... А Иноуэ хорош! Я не мог не волноваться за своих и в то же время не мог не оценить его замысел. И ведь он просто повторил то же самое, что делали мы, но как хладнокровно! Настолько, что мы все до последнего ничего не поняли!

Секунды тянулись одна за другой, но вот... Связь сработала, от Шереметева пришло подтверждение, что он начинает отходить. Вот только еще ничего не было кончено – как только японцы осознают, что мы выбираемся из ловушки, они тут же откроют огонь. Да, не с идеальных позиций, но и так потери будут страшными. И самое обидное, что полностью их не избежать! Только уменьшить, и от этого просто быть хочется. Но некогда!

– Все бронепоезда на правый фланг! Готовиться к контрбатарейной борьбе! – я начал раздавать приказы.

Афанасьев все пушки врага не вынесет, и те, учитывая задумку, на него точно не отвлекутся, но хоть пару батарей подобьет, и уже будет легче. Дальше...

– Ганс Оттович, – посмотрел я на Брюммера, – берите мортирный полк и прикрывайте отход 1-й дивизии. От пушек вы их не спасете, но вот проследить, чтобы их не нагнали и не заставили ввязаться в позиционный бой под вражеским огнем – это ваша задача!

Не лучшая идея посылать штабистов на передовую, но мои уже успели понюхать пороха, и, учитывая ситуацию, только Брюммер с его опытом и стратегическим чутьем сможет увидеть, где и как поставить батарею. Вот не думал, что снова придется полагаться на мортиры с их полутора километрами дальности, но сейчас... Именно они с их мощными зарядами и возможностью стрелять из-за сопки лучше всего и сработают.

– Полковник Янь Сюнь, теперь вы, – я повернулся к командиру моих китайских частей.

Они все продолжали расти, и пусть большая часть местных шла в нестроевые части, в боевых их тоже накопилось на целый полк. В отличие от Брюммера Сюню я показал точную позицию, которую ему нужно занять. Потом подумал и отправил с ним Чернова, чтобы в случае чего суметь внести корректировки. Остатки 2-го Сибирского расползались во все стороны с огромной скоростью, и вот из способных что-то изменить резервов рядом со мной остались только тачанки поручика Зубцовского.

– Новости от Западного и Центрального отрядов? – я повернулся к Городову, который мгновенно переместился на место моего связиста.

– Там японцы тоже пошли вперед. Давят, но наши держатся. Линевич передает, что сдюжат, и чтобы мы довели дело до конца.

Я выдохнул. Хотя здесь без неожиданностей, а то спасти еще кого-то мы бы сейчас точно не потянули. К счастью, русская армия в обороне да на крепких позициях хорошо себя показывала даже без моего участия, обо что еще многим странам придется весьма и весьма неприятно споткнуться.

А тем временем 12-я дивизия Иноуэ поняла, что враг ускользает, и ввела в бой свои резервы. У меня до последнего была надежда, что я ошибся и что на такой узкий участок не выделят слишком много пушек – выделили! В первые минуты дивизию Шереметева спасло только то, что враг не пристреливал свои орудия, справедливо опасаясь, что их могут заметить. Но шли минуты, и снаряды летели все точнее, а что самое главное, роты, батальоны и полки 12-й дивизии тоже рвались вперед, чтобы не дать нашим ускользнуть.

Но Шереметев держался. Не знаю, каким чудом ему удалось не дать своим свалиться в панику, но все действовали четко и слаженно. Отходили, окапывались, прикрывали, пока отходят другие. А там первый бронепоезд подтянулся, и стало легче. На самом деле пользы от стрельбы почти на максимально доступной дистанции было не очень много, но сам факт, что ты не один, порой значит больше, чем даже танковая рота. Которой у нас и нет...

Японцев это появление тоже замедлило – опять же самим фактом появления огромной плюющей огнем машины, которая уже не раз ломала их планы. А вот снайперы, которые так помогли при наступлении, в этот раз оказались почти бесполезны. Нет, они убивали солдат врага, заставляли офицеров держаться подальше, даже подавили пару пулеметов, которые японцы пытались подтащить поближе к передовой, но переломить ход боя им было не под силу.

А тут японцы еще и догадались, что раз мы начали отходить, то скоро и подкрепления будут. В общем, их трубы сыграли что-то бравурно-печальное, похожее на крик морской чайки, а потом 12-я дивизия перешла в атаку по всему фронту. Работали сотни пушек, не давая поднять голову, тысячи солдат бежали вперед, и даже мне на расстоянии казалось, что им нет числа. А как это выглядело из крошечных окопов? Японцы словно заполнили собой весь мир.

– Ура! – ответили на атаку штурмовики Шереметева.

– Полундра! – заорал небольшой отряд прибившихся к ним моряков с «Сивуча». Сколько их пережило И-Чжоу, сколько решило остаться с нами – дай бог пара десятков! Но как они кричат!

– Тэнно хэйка банзай! – не менее яростно отвечали японцы, встречая наши пули и посылая вперед свои.

Разрозненный залп не смог остановить атаку, казалось, еще немного, и японцы ворвутся на наши позиции. Но тут в ход пошли гранаты! Тренировок явно не хватило – ударили они довольно хаотично – и опять японцы понесли потери, но не остановились.

– Тэнно хэйка! – ревело над полем боя, поглощая собой все вокруг.

– Ура!

И снова выстрелы, гранаты. Каждая атакующая граната Лишина, разлетаясь на десяток метров, забирала с собой не меньше одного японского солдата, и один бог знает, сколько обзаводились в этот момент лишней сталью в организме. Японцы откатились. Еще десять минут адской канонады и снова натиск. На этот раз они тоже использовали свои гранаты, и, пусть они были не такие красивые, точные и надежные, они тоже взрывались. И тоже убивали.

И казалось, что на этот раз уже ничто не остановит японскую лавину, до края наших позиций оставались считанные метры, когда снова полетели вперед наши гранаты. Только эти были уже не с атакующими, а с оборонительными, более мощными зарядами. Новые взрывы разметали не только первые атакующие ряды японцев, но и наши. Большая часть стоящих на передке рот, бросивших эти гранаты, сами от них и пострадали... Но атаку отбили! И снова грохот канонады, чтобы выдохнули японцы, чтобы собрали силы и снова пошли вперед.

И нашим бы, пользуясь моментом, продолжать отступать, вот только никто уже не собирався это делать. Я не мог их видеть, но они стояли перед глазами как живые – суровые лица, залитые кровью бороды и бесконечная решимость в глазах. Все, кто недавно думал только об отходе, теперь ползли вперед, проверяли пульс у тех, кто прикрыл их в последней атаке, и каждого, кто еще дышал, оттаскивали назад. Кого-то, как положено, цепляли крюком за ремень и выдергивали из-под огня, кого-то – когда не было времени – просто хватали сами и тянули.

На один короткий момент жизнь каждого отдельного солдата больше не имела смысла, все стали единым целым. И японцы, когда затихла канонада, даже не сразу пошли в атаку. Только крики офицеров, подставившихся под пули снайперов, привели их в себя. Но даже так этот третий натиск лишь отдаленно напоминал то, что было раньше. Что-то определенно сломалось в 12-й дивизии: они еще владели инициативой, но уже не могли победить.

И наши каким-то образом это почувствовали, остановив новую атаку даже не выстрелами и гранатами, а одним криком.

– Ура! – ревели ждущие врага солдата.

– Ура! – ответили им подоспевшие подкрепления Брюммера.

– Чипай! – радостно вторили всем китайские части.

Правый фланг пропустил удар, но в итоге выстоял. Левый наступал, но о каком-то котле больше не шло и речи. Впрочем, выход в тыл – это тоже неплохо. Солнце село около часа назад, пушки же только начали стихать. Никого до конца не устраивали итоги сегодняшнего дня, но так ведь обычно и бывает. Планы работают только до того, как сталкиваются с реальностью, а дальше – нужно вносить корректировки. И завтра нас ждет второй день боя, когда нам нужно

будет решить, как развивать успех, как сдержать японцев, которые попытаются нас остановить. И еще бы немного поспать... Но, боюсь, об этой роскоши в ближайшее время лучше не мечтать.

Я снова стоял на обзорной сопке, мимо прокатил санитарный эшелон. В течение дня мы провели две новые ветки: одну к позиции Шереметева, откуда вывезли почти три тысячи раненых, вторую – к изгибу левого фланга, где за успехи тоже приходилось платить кровью. Буквально полчаса назад я читал доклад от княжны Гагариной со всеми цифрами. Девушка скрупулезно подсчитала, кто, с какого направления, в какой срок к ней прибыл. Не все выдержали нормативы, что приведет к новым потерям, и после боя нужно будет и этим заняться...

Но пока я был просто рад, что княжна держит свое направление в ежовых рукавицах и даже не забывает думать о будущем. Расширенный под наступление госпиталь теперь мог принять под 10 тысяч человек, а не 5, как раньше. И вроде бы неприятно готовиться к потерям, но сколько солдат теперь выживет, потому что у каждого будет кровать, а не лавка в коридоре, дополнительная медсестра, а не пустые крики по ночам и чистые бинты вместо одной надежды?

В штабной палатке меня ждал великий князь Борис, который весь день ходил важный словно гусь, но так и не сказал ни слова. Вот только сейчас, когда бой встал на паузу, боюсь, рассчитывать на это больше не получится. Я прикинул, что с ночными вылазками и подготовкой к завтрашнему дню справятся и без меня, а мне... Чтобы определиться с новой главной стратегией на это сражение, надо было проехать по своим офицерам на местах. Иногда для верного плана нужны не только карты и цифры, но еще и возможность взглянуть в глаза тем, кто завтра пойдет в бой.

– Ваше превосходительство, – неожиданно из темноты вылез Джек Лондон. Он куда-то дел свой привычный костюм, вместо этого на нем довольно ладно сидела солдатская форма. Я присмотрелся: потертая, рваная и залитая кровью солдатская форма. Чужой кровью...

– Вы что, в бой ходили? – со вздохом спросил я.

– Ходил! Без оружия, конечно, в нестроевой команде, но ходил! – с вызовом ответил Лондон. – А то смотрел со стороны, слушал солдат и потом понял, что, если не попробую увидеть все изнутри, никогда себе не прощу.

– Почему не простите?

– Я же о войне пишу. А как можно честно о ней писать, если не сидел под обстрелом, не сжимал последнюю гранату?.. Знаете, теперь у меня совсем другие строчки в голове появляются. Настоящие! Например... Кому память, кому слава, кому черная земля... И я ведь даже не думал, это само теперь приходит!

Лондон взмахнул руками, изобразив какую-то новую идею, пришедшую ему в голову, и, широко улыбнувшись, убежал дальше в тыл. Хотя бы пообещал первому показать новую повесть, и то дело. А вот что мне совсем не нравилось, так это то, что уж слишком многие начали расслабляться, играть в героев. Тот же Корнилов, Лондон, да я сам, когда чуть не зевнул контратаку 12-й дивизии. И с этим точно нужно было что-то делать.

Глава 3

Смотрю на следы разгрома в палатке Шереметева: погнутый носик самовара, в беспорядке сваленные бумаги и сбитые в кровь костяшки пальцев.

– Надеюсь, никого не били? – кивнул я на руку командира 1-й штурмовой дивизии.

– По дереву врезал, – Шереметев тяжело вздохнул. – Сам не понимаю, что нашло... Но, когда японцы нас чуть не разбили, так обидно стало. Мы же столько готовились... Столько солдат хороших погибло... А могло еще больше!

– И что вы решили в итоге? – я внимательно смотрел на Степана Сергеевича.

– Знаете? – Шереметев потер голову. – Я тут подумал: раньше ведь, до вашего появления, я как-то жил. Вставал каждое утро, отчеты писал, даже водил солдат в бой – и не знал проблем. Был уверен, что один человек все равно ничего не изменит, даже если что-то казалось неправильным... Но потом пришли вы и все сломали! Мы ведь теперь не кто-то там, а 1-я штурмовая! Мы – лучшие, на нас корпус смотрит, армия, мы просто не имеем права проигрывать, а я... Я чуть до этого не довел! Да какое не довел! Проиграли мы тому японскому генералу! И как мне теперь людям в глаза смотреть? Вам? Своим офицерам? Солдатам?

– И что вы думаете, когда сейчас смотрите на меня?

– Ничего не думаю, просто стыдно так, что удавиться хочется!

– Но дозоры вы выставили?

– Конечно.

– Проверили, что припасы и снаряды на завтра придут в достаточном количестве?

– Так точно, – Шереметев с каждым ответом все больше и больше приходил в себя. – Железные дороги тоже заранее разметили, так что сейчас рабочие могут тянуть их даже в темноте.

– И чего вы хотите теперь больше всего на свете?

– Победить, – Шереметев сам не понял, как это слово будто само по себе вырвалось наружу.

– Вот и хорошо, – я улыбнулся. – Тогда последний вопрос... Вот мы, я и вы, Степан Сергеевич, вчера чуть не потеряли ваш фланг. Вы при этом на меня зла не держите, сражаться вон готовитесь, и мозги сосредоточены на самом главном. Так вот почему же вы тогда о своих солдатах так плохо думаете?

– Что?! – Шереметев растерялся.

– Почему вы считаете, что они, как вы сами, не готовятся к новому бою, не жаждут победы, а только и думают, как бы вас овиноватить?

– Я... Кажется, я понимаю.

– Тогда можно теперь и о деле. Японцы в сложном положении после нашего прорыва на левом фланге, но так просто точно не сдадутся и попытаются выправить положение.

– У нас!

– Точно. На вашем участке у них самое удачное положение, самый успешный генерал и достаточно артиллерии, поэтому если они где и ударят завтра, то именно здесь.

– И мы их сдержим!

– Нам нужно не сдержать, а победить.

– Тогда... Возможно... – Шереметеву было неприятно и неудобно это говорить, но он наступил на горло своей гордыне. – Мне бы пригодилось на передовой несколько батальонов Павла Анастасовича, они в обороне лучше держатся. А я несколько своих мог бы, наоборот, перебросить к нему. Там ведь враг тоже окопается, а мы... Мы ведь тоже не зря по шестнадцать часов в день учились штурмовать чужие окопы.

– К трем часам ночи должны будут закончить дорогу до новых позиций на левом фланге, – кивнул я. – К этому моменту полковник Лосьев точно посчитает, сколько именно солдат мы можем позволить себе перекинуть. Так что будьте готовы.

– Есть, – Шереметев усмехнулся, и на этот раз в его улыбке не было ни капли сожаления. Только предвкушение, надежда и жажда крови.

Я попрощался со Степаном Сергеевичем, забрался обратно в штабную двуколку и отправился дальше. В голове крутились мысли, что разговор прошел совсем не так, как я задумывал. Хотел ведь рассказать про то, что за одного битого двух небитых дают, но только увидел Шереметева, и как-то сразу стало понятно, что красивые хлесткие фразы – это последнее, что ему сейчас нужно. Вот и вышло все проще, грубее, но... правильнее. Главное, что полковник сейчас готов к бою, а насчет того, сделало ли его поражение сильнее и мудрее или же сломало, узнаю уже только завтра.

Добравшись до позиций 2-й дивизии Мелехова, я сразу ощутил совсем другую атмосферу. Здесь солдаты победили, и это чувствовалось во всем. В песнях, что тихо звучали у костров в тылу, во взглядах, которыми люди вокруг смотрели друг на друга и на меня, в словах, которыми они вспоминали прошедший день.

– У нас в отделении только двое раненых, – я слушал гуляющие эхом разговоры.

– У нас только один. Снайперы хорошо поработали!

– Наши тоже! У нас на участке было аж три японских пулемета, так они каждый успели снять до того, как нас накрыли.

– У нас только один был, но выглядело жутко. Весь обложен мешками с песком. Сбоку, сверху... Не знаю, как бы мы до него добирались, если бы не снайперы.

– Да! Этим что такое укрытие, что враг бы во весь рост стоял – есть куда попасть, точно попадут.

– Все-таки хорошо генерал придумал, что на несколько пятерок всегда есть пара прикрытия. Если бы не они, даже не знаю, что бы мы делали.

– Гранаты бы бросали, как в отряде капитана Сомова. Вы не слышали? У них сразу две группы снайперов посекло из пушек – враг будто знал, куда бить!

– Слышал. Говорят, там только поляк Мишек выжил, но один на почти десять пятерок – что он мог сделать. Тогда чуть все наступление не встало, но капитан Сомов как на тренировке: дополз по уши в грязи почти до пулеметной позиции, закинул им гранату прямо под щиток... А потом как прыгнул следом, пока все оглушенные стояли, чуть не один там японцев покрошил!

– Ну, не один. Там же все отделение за ним ползло. Но капитан точно герой, а вот не знаю, смог бы я так.

– Я бы точно смог!

– Да ты столько жрешь, что с твоим пузом только и ползать!

Несколько мгновений тишины, а потом она резко сменилась дружным хохотом. Все были свои, никто не обижался... Обижаются ведь только на правду. А тут каждый знал – и я тоже – будет нужно, и этот неизвестный солдат точно не струсит, точно доползет и так же точно бросит гранату.

– Вячеслав Григорьевич, простите... – на подходе к штабу 2-й дивизии меня встретил поручик Славский.

– Вячеслав Григорьевич, бес попутал... – рядом с ним с тем же самым шальным взглядом замер и Корнилов.

Два очень храбрых, но совершенно безответственных человека, которые бросили свои места. Ради дела, но бросили! Корнилов вместо рядовых разведчиков лично повел минные команды ставить заряды на месте будущего прорыва японцев – и хорошо провел. Никто не погиб, а те постановки в том числе не дали Иноуэ зажать части Шереметева со всех сторон. А Славский? Этот после взятия первой линии укреплений вместо того, чтобы дожидаться при-

хода подкреплений, с ходу бросил свои грузовики на следующую. Фактически затащил целый взвод в центр вражеского строя: лишился последних машин, половина солдат отправилась в госпиталь к княжне, но... Именно этот быстрый прорыв почти на четыре километра вперед позволил нам задать темп всего наступления.

Очень безответственно и очень полезно.

– Знаете, я ведь шел к вам ругаться, – я снова смотрел на своих офицеров, и все заготовленные заранее слова таяли словно дым. – Хотел на пальцах объяснять, что ваше поведение не достойно офицера, что оно может завести ваших подчиненных в ловушку, но...

– Что? – Корнилов как разведчик до последнего ждал подвоха.

– Теперь я думаю, что был не прав. Вы молодцы, как солдаты молодцы. И я даже напишу вам представления на награды за этот бой.

– Как солдаты? – Славский нахмурился.

– Как солдаты, – кивнул я. – И это неплохо. Вы на самом деле герои – ваши решения, ваши поступки очень помогли армии, и я был бы плохим офицером, если бы сделал вид, что не вижу этого. Более того, я был бы ужасным офицером, если бы помешал вам так же помогать армии и в будущем. И я не буду вам мешать.

– Как солдатам? – переспросил уже Корнилов.

– Как солдатам, – снова кивнул я.

– Но мы – офицеры!

– Офицеры командуют, они несут ответственность за всех, кто идет вместе с ними в бой.

– Но мы никого не подвели.

– Случайно. Или хотите сказать, что заранее подумали об этом? Учли, что будет с доверенными вам подразделениями? Учли, как без вас все остальные будут выполнять задачи, стоящие перед всей армией? Иногда пойти вперед – это самое простое.

– Вы же сказали, что не будете нас ругать, – немного по-детски надулся Славский.

– А вы не видите разницу?

– Вы не верите в нас как в офицеров!

– А вы вели себя как офицеры? Будет повод – поверю, а пока... Как генерал я буду вынужден рассчитывать на вас как на героев, но не как на командиров.

– Но... – Корнилов тоже начал было спорить, но оборвал себя на полуслове.

– Помните, вы – герои, герои тоже нужны армии, – я по очереди пожал руки обоим молодым офицерам. – Но я буду рад, если однажды вы сможете вырасти и стать кем-то большим. А то так уж вышло, что героев у нас в армии хватает, а вот хороших командиров – вечный некомплект.

Я не ждал ответа прямо сейчас, его и не последовало. Корнилов со Славским только переглянулись, а потом дружно попрощались и растворились в темноте. Причем так решительно, что становилось очевидно: ни о каком сне ни один из них даже и не думал. Я несколько секунд стоял на месте, глядя им вслед, а потом решительно пошел вперед. Отдельные разговоры – это, конечно, важно, и пусть детали плана на завтра уже сложились и так, но... Все равно оставалось одно важное дело.

Я зашел в штабную палатку, тут же заметил все еще стоящего над картами Мелехова, подошел и без лишних слов крепко его обнял.

– Вячеслав Григорьевич!

– Спасибо, что смогли, – я отпустил Павла Анастасовича, напоследок хлопнув его по плечу. – А теперь... Обсудим, что нас ждет завтра.

До утра получилось поспать всего четыре часа: меньше, чем хотелось моему организму, и в то же время гораздо больше, чем могли позволить себе мои внутренние перфекционист и параноик.

– Доклад, – сполоснувшись из подвешенного на столб ведра, я тут же ворвался в штабную палатку.

– Отбили четыре японские вылазки, – Лосьев словно именно в этот момент ждал моего появления, тут же подхватил со стола бумагу и принялся зачитывать. – На участках 22-й, 33-й, 5-й и 17-й рот.

– Это все 1-я штурмовая?

– Так точно. Один раз они чуть не подловили нас во время ротации, но солдаты Степана Сергеевича тут же отбили позиции, и в итоге японцы так нигде и не смогли закрепиться.

– Ваше превосходительство, – вмешался в разговор Брюммер, потирая красные от недосыпа глаза. – А почему мы сами ночью не атаковали? Могли ведь тоже японцев побеспокоить, чтобы они свои глазенки от недосыпа совсем открыть не могли!

– А зачем атакуют японцы? Зачем лезут на минные поля, подставляясь под наши пушки и не имея возможности прицельно поддержать в темноте свой ограниченный натиск? Именно ограниченный, потому что на большую операцию ночью даже их безумные генералы еще не готовы решиться.

– Вы имеете в виду, что они идут на все эти риски, потому что не могут добиться того же днем? – понял Брюммер. – Ну, конечно! Мы-то научились прорывать их позиции, даже если японцы закопались по самые уши, а они... Либо им нужна успешная операция дивизионного уровня, как вышло у генерала Иноуэ, либо они так и бьются о наши позиции без всякой пользы.

– Пока бьются, – уточнил я. – Рано или поздно всему научатся, но пока... Нам нет смысла растрачивать силы ночью, лучше отдохнуть и хорошенько сделать свое дело при свете солнца.

И мы снова погрузились в штабную работу. Стук телеграфов, почтовые голуби, адъютанты на лошадях и даже пара сигнальщиков на воздушном шаре. Последний, правда, японцы почти сразу подбили: ну да, было наивно надеяться, что у них не получится рассчитать расстояние до цели и выставить дистанционные трубки на зарядах шрапнели. Я вздохнул: при обзоре с высоты мы бы такое преимущество получили, но... Японцы тоже это понимали и не собирались сдаваться.

Более того, они верили, что могут победить, и снова попробовали ударить в стык между нами и 6-м корпусом. Вдали, на правом фланге Оку давил на позиции Бильдерлинга и Зарубаева, но пока и там, и там наши уверенно отбивали все атаки. А вот на левом уже мы снова шли вперед. Работа отдельными пятерками помогала продвигаться, несмотря на огонь японских батарей. Пулеметы один за другим накрывали снайперские двойки, ну а окопы мы брали с помощью гранат. И пока японцы просто ничего не могли поделать с этой машиной. Совместная работа, прикрытие и бесконечное движение.

К полудню мы продвинулись на пять километров, начиная заходить в тыл японским позициям. В этот момент я словно начал чувствовать сердцебиение сражения: еще немного, и мы сможем нанести смертельный удар дрогнувшему врагу. Штурмовики проложат дорогу, а четыре тысячи конной пехоты довершат начатое.

Генерал Тамэмото Куроки не понимал, почему каждое новое сражение выходит у него хуже, чем старое. Он ведь не стал глупее. Его солдаты все так же храбры. И тогда... Неужели это русские с каждым разом становятся все сильнее? Как они умудряются растягивать свои силы и все равно держать линию фронта? Как такими крошечными отрядами они ухитряются прорывать их ряды? Почему несколько пятерок могут обратить в бегство целый взвод, и даже целые батареи, прикрывающие места прорыва, не могут накрыть эти юркие, постоянно ползущие вперед фигуры в глупых китайских ватниках?

– Тайсё, – Есимити Хасэгава склонился перед своим генералом, – разрешите гвардии ударить им навстречу! Их передовые отряды оторвались от артиллерии, а у меня свежий полк. Мы снесем самых наглых и дерзких, и остальные уже не смогут давить с той же силой.

Это было хорошее предложение. В любой другой ситуации Куроки дал бы добро одному из лучших японских офицеров, но... Уже второй день поступали сигналы о задержке поставок из Японии. Из-за штормов до Дальнего мог добраться только один из пяти обычно отправляемых кораблей. А до Инкоу и вовсе один из десяти. Большую часть просто нельзя было выпускать в море в такую погоду, а другие выходили несмотря ни на что, но терялись где-то в пути. И как в такой ситуации сражаться до конца?

Встанешь, повиснув словно собака на медведе, а запасы снарядов, которые так и не успели довести до нормы, покажут дно. Под Ляояном им хватило их на четыре дня боя, и тогда его артиллеристы стреляли меньше, чем сейчас. Раньше Куроки в таких ситуациях не сомневался, но прошлые поражения, слабость тылов – все это давило, и генерал, словно разом постарев еще на десяток лет, решил не рисковать.

– Вы ударите, – посмотрел он на Хасэгава. – Но не чтобы победить, а чтобы отбросить русских. Хотя бы пару часов, но вы должны выиграть армии, чтобы мы смогли без лишних потерь отойти назад.

– Будем отступать? – слотнул Хасэгава.

– Чтобы сохранить армию. Чтобы выиграть время и найти спасение от новой тактики русских. Возможно, генерал Иноуэ был прав, говоря, что нам нужно больше учиться у них.

Куроки вздохнул. Большинство японских офицеров еще испытывали нездоровый энтузиазм от старой европейской тактики. Так, в последние дни многие любили порассуждать про новые части, сформированные главнокомандующим Оямой с офицерами-германцами и англичанами... Как же наивно. Во-первых, что смогут изменить всего несколько полков? А во-вторых, Куроки на самом деле с каждым днем находил все больше смысла в словах Хикару, который считал, что старые европейские военные школы и в подметки не годятся новой русской.

– Тогда... Разрешите использовать все запасы ракет Конгрива, что нам скинули англичане, – Хасэгава вскинул вверх подбородок, а в его глазах загорелся недобрый огонек.

Тоже испортился... Куроки усмехнулся про себя, глядя своего подчиненного. Раньше он бы не стал и думать о каких-то хитростях, а теперь – чем дальше, тем больше все молодые офицеры, как он, как Иноуэ, стараются походить на русских. Думать, искать, побеждать, используя любую возможность, даже то, что еще недавно казалось невероятным или просто ненужным.

– Ракеты? – задумался Куроки вслух. – Они же слабо быют. И не точно.

– Для русских солдат, которые считают, что скорость защитит их лучше окопов – должно хватить. А насчет точности... Нам скинули их почти две тысячи: если не экономить, то мы взорвем их столько, что не попасть просто не получится.

– Тогда начнем через два часа... – Куроки прикинул, сколько потребуется времени, чтобы передать информацию об отступлении всем своим офицерам.

Чтобы каждый точно не потерялся, чтобы продумал, как и куда отходить. Девять месяцев назад, когда война только начиналась, такая скорость командования и реакции армии на его решения казалась Тамэмото просто невероятной. Сейчас же, глядя на неотвратимо ползущие вперед русские отряды, на то, как они постоянно меняли свои цели и маршруты, эти два часа выглядели уже вечностью.

Лавр Георгиевич Корнилов ругался про себя. Вчера ночью, после того как Макаров высказал ему за неумение командовать, очень хотелось напиться, но... Еще больше хотелось доказать, что генерал ошибся. Что он, Корнилов, способен на большее, причем не когда-нибудь в будущем, а прямо сейчас. Славский, одержимый той же идеей, быстро нашел решение: собрал нестроевых, оттащил посеченные осколками остатки своих грузовиков и взялся приводить их в порядок. Как он сказал: для наступления их теперь точно не хватит, но вот раненых с передовой вывозить – вполне. Особенно в первые часы, пока железная дорога еще запаздывает, а носильщики уже давно вытащили с передовой первых пострадавших.

И ведь смог поручик! Выкинул из котлов все сложные детали, которые было не починить на передовой – мощность упала раза в три, но машины снова завелись. Скрипели, трещали, свистели, но ехали. И раненых таскали под сияющим взглядом Славского... У самого Лавра Георгиевича такой же яркой идеи, как себя быстро показать, не было. Пришлось просто работать, рассылать группы, собирать информацию, изучать... Очень хотелось опять рвануть на передок самому, чтобы кровь горела, чтобы сердце стучало, как рядом с самой прекрасной женщиной в мире, но... Корнилов раз за разом сдерживался.

Собирал информацию, изучал, и вот... Уже второй доклад от пластунов, идущих вместе с переданным 2-й дивизии 22-м полком, говорил о том, что японцы подозрительно зашевелились. Причем не на передовой, а в тылу – верный признак подготовки встречного удара. И теперь Лавру Георгиевичу нужно было решить, что делать: доложить как есть, одни догадки, или же сначала попробовать подобраться поближе и все точно разузнать.

Глава 4

– Панчик! Подвал слева! – крик Кунаева пробрал до костей.

Панчик резко повернулся, и действительно, он чуть не пропустил присыпанный японцами вход в подпол. А если кто-то что-то прятал, то явно не просто так! Выхватив из подсумка предпоследнюю гранату, Панчик катнул ее мимо старого платяного шкафа, которым и прикрыли спуск. Грохот и... стон! Точно не зря все было. А ведь изначально Панчик был из тех, кому оказалось физически больно кидать такие ценные гранаты просто на всякий случай. Все его естество требовало дожидаться хотя бы мелькнувшего в темноте врага, но на тренировках из них, прежде всего, и выбивали эту нерешительность.

Граната – всего лишь вещь, человек – вот, что действительно важно. Капитан Лишин, полковник Мелехов, сам генерал Макаров – все ходили на тренировочные полигоны с простыми солдатами и вбивали в них эту простую истину. И тоже странно! Панчик ведь успел достаточно послужить, чтобы составить вполне однозначное впечатление о русской императорской армии. Костная, словно скроенная по лекалам прошлых веков, и кастовая, где офицеры и солдаты жили каждый в своих мирах. В такой армии было совсем несложно поверить словам братьев из родной Польши, тем более что за небольшие услуги те платили вполне конкретными полновесными рублями.

А потом все изменилось. В армии и в нем самом тоже как будто проснулось что-то новое... Панчик даже пару раз отказал братьям, но потом пришел тот посланник от самого Юзефа и взял его за яйца. Показал стопку подписанных бумаг, где Панчик расписывался за полученные деньги, показал список погибших из-за этой информации офицеров, а дальше можно было уже не продолжать. Панчику продемонстрировали, кто тут хозяин, а потом без лишних слов велели собирать вокруг себя верных людей. Кажется, невероятно сколотить организованную ячейку предателей прямо в чужой армии, но эти люди умели не спешить.

Сначала Панчик вернулся из штрафного отряда в обычный, потом в его взвод начали подтягиваться новые люди. Кто-то сразу говорил особые слова, кто-то ничего не знал, а потом... Новый бой, и лишние чужаки просто его не переживали. Нет, сами они никого не убивали, но верные люди были не только в пехоте. Где-то запаздывали снайперы, не прикрыв идущих вперед штурмовиков, и Панчик знал, что это дело рук тоже работающего на братьев Мишека. Иногда артиллерия могла промазать на пару сотен метров и накрыть своих – кто там работал на свободную Польшу, Панчик не знал, но ощущение раскинутых во все стороны щупалец внушало благоговение перед чужой силой и... безысходность.

Не сбежать, не передумать – один раз встав на эту скользкую дорожку, ему только и оставалось, что идти до конца.

– Иду дальше! – башка Кунаева мелькнула у соседнего дома, а руки несколько раз махнули, показывая направление, которое нужно прикрыть. Рыжий ведь мог уйти от них, его даже в 1-й конно-пехотный звали, но он опять решил не бросать старых товарищей и в который уже раз спас им жизнь.

– Панчик, надо задержаться, – рядом с поляком притормозил Чарный. Его маленькие черные глазки тревожно бегали из стороны в сторону, и на душе сразу стало беспокойно.

– Почему?

– Мишек сказал, что Кунаев слишком много авторитета набрал, из-за него многие новички не решаются идти до конца. А если их кровью быстро не повязать, то сдадут ведь!

– Что вы задумали?

– У Мишека сегодня напарника убили, – Чарный хихикнул. – Так что он без присмотра сейчас. Сказал, что подберет японскую винтовку и подстрелит из нее Рыжего. Нам только и

останется, что потом повернуть его головой в другую сторону. Мол, испугался, подставил спину врагу и получил пулю – никто и не подкопается.

Панчик неожиданно ощутил, как внутри него разрастается пустота. Ему давно не нравилось то, что они делали, но вот так... Подставить друга, того, кто шел вместе с ними в смертельные атаки почти без шанса на успех, кто спасал им жизни – это был уже перебор. Тем более, еще и выставить трусом! Родным про такое, конечно, не напишут, но вот в роте и полку слухи пойдут, а там кто-то знакомый услышит... Панчик представил, как к его матери и сестре кто-то бы пришел и начал рассказывать, как он, их сын и брат, испугался и от смерти бежал!

– Прикрывай! – поляк оттолкнул отшатнувшегося от него Чарного, а потом бросился вперед. – Рыжий! Рыжий! – орал он, привлекая внимание затаившихся впереди японцев. – Не высовывайся! Сзади вражеский снайпер!

– Понял-понял! – в развалинах соседнего дома мелькнуло знакомое раскрасневшееся лицо и тут же исчезло.

Панчик выдохнул и поспешил рухнуть на землю, когда вокруг застучали японские пули. Все-таки он знатно нашумел, привлекая внимание Кунаева, и теперь к ним не меньше десятка узкоглазых повернулось. Но ничего, выживут, еще и не в таких передрыгах выживали! А с Мишеком он еще поговорит! По-своему! Будет знать, бледная моль, как пытаться убить его, Панчика, людей! А не поймет, так кое-кому тогда придется уяснить на своей шкуре, что настоящего солдата никакие писульки, никакой страх не остановит, когда он решит идти до конца.

Панчик принял решение, и на душе сразу стало легко и просто. Правда, только до того момента, как японцы навалились. Следующие десять минут их утюжили, даже самодельными гранатами из бамбука закидывали. И ведь тоже та еще зараза! Убить такой сложно, но вот занозы, если словишь, всегда гноиться начинают. Зацепит желудок – и прощай!

– Никому голову не поднимать! – новый крик, и Панчик не сумел сдержать улыбку.

Это соседние пятерки среагировали на изменение обстановки и окружили собравшихся вокруг них японцев. Рухнув на землю и придерживая руками каску, он слушал, как гремят взрывы гранат. Пара минут, и все было кончено. Полезшие на них, словно на приманку, японцы подставились и закономерно получили по шапке. Теперь вся северная окраина деревни Ютбатая была за ними.

– Вперед! Вперед! Вперед! – Панчик вскочил на ноги, подзывая свою пятерку и задавая новое направление.

Другие тоже потянулись вперед, когда позади раздался резкий басовитый удар тяжелой батареи, а потом по всей линии фронта вверх полетели подсвеченные зелеными искрами сигнальные ракеты. Зеленый – значит, надо останавливать наступление и срочно окапываться. До этого им только один раз показывали, как выглядят такие сигналы, уж больно сложно было их делать. И раз генерал решил, что пришло время их тратить, значит, точно грядет что-то серьезное.

– Подвалы! – Панчик быстро повернулся к тому, из которого его недавно чуть не подстрелили.

Платяной шкаф полетел в сторону. Панчик подтянул несколько выбитых из стены глиняных блоков, окружая спуск небольшим редутом. Один ярус, второй – вроде бы достаточно. В уши ударил странный непривычный свист, словно кто-то бросил на раскаленную сковородку клубок гадюк и оставил их развлекаться. Рядом заканчивали свои укрепления Чарный и Кунаев, а в небе... Панчик задрал голову и увидел, как в сторону Ютбатая летит несколько сотен дымных следов. Слишком медленно для нормального пушечного залпа и слишком быстро для чего-то другого.

– Вниз! – успел крикнуть Панчик, а потом деревню заполнило пламя.

Странные снаряды походили на гранаты на палках, которые враг закинул к ним, словно решив подать пример, что такое на самом деле не экономить на железе и порохе. Вся южная

половина деревни Ютбатай превратилась в сплошной костер, у них на севере было чуть спокойнее, но даже тут, даже в подвале немного да припекало. Панчик, поддавшись какому-то озарению, решил высунуться наружу только через полчаса, и вовремя. В еще не опавших до конца языках пламени вперед пробирались цепочки солдат в черных мундирах с красными штанами. Обычно японцы хорошо выделялись на фоне Маньчжурии, но сейчас... Их фигуры словно сливались с пламенем на земле и чадающей тьмой в воздухе.

Тряхнув головой, Панчик избавился от наваждения и навел винтовку на ближайшего солдата. Страшно немного одному идти против сотен врагов, но поляк знал, что на самом деле он совсем не один. Выстрел, выстрел... Японцы бросились врассыпную и попытались залечь, и тут в них ударили уже с других сторон. Его пятерка, кто-то из соседей... Панчик не сразу понял, что начал хрипло хохотать, посылая вперед пулю за пулей. Заранее сложенный бруствер очень помогал: особенно когда он бросил в сторону подобранных поближе врагов последнюю гранату. Ему было где укрыться, а им нет.

Смех Панчика стал громче, и в этот момент он заметил, как Чарный перебежал из своего начавшегося заваливаться дома в соседний и неожиданно навел винтовку не на врагов, а на Кунаева. Кричать? Если его уже раз послушали – бесполезно!

– Опустит! – Панчик все равно попытался, и Чарный даже замедлился. На мгновение поднял голову, но потом только мотнул своей тупой башкой, сгорбил и снова прижался к винтовке.

– Как же я вас ненавижу! – заорал в этот момент Панчик и поднял свою.

Два выстрела прозвучали почти одновременно. Пуля Чарного из-за дрогнувшей винтовки улетела куда-то в сторону, а сам черноглазый пошатнулся, посмотрел на Панчика с какой-то детской обидой и рухнул на землю, заливая все вокруг кровью. Побеленная стена фанзы какого-то маньчжурского торговца и красная кровь – совсем как польский флаг. Вот только какой в нем смысл так далеко от дома?

Панчик замер, словно на какое-то время выпав из этого мира. Он не заметил, как японцы не решились идти дальше и откатились назад. Не видел, как Кунаев с остальными членами его пятерки нашел его и положил на носилки, чтобы вытащить в тыл. Не видел, как к нему пытался прорваться и что-то сказать бледный Мишек... Лишь под утро, уже оказавшись в госпитале для легкораненых, он начал приходить в себя. Открыл глаза, вдохнул полной грудью, а потом осознал, что к его носу прижат мягкий женский платок, пропитанный странной вонючей жидкостью.

– А теперь нам надо поговорить, – голос звучал вкрадчиво, но вот рука, прижавшая Панчика к кровати, была совсем не слабой.

Хожу из стороны в сторону, словно хищник в клетке. Только вместо прутьев у меня законы мироздания, которые не позволяют человеку находиться сразу в нескольких местах. А так хотелось бы самому оказаться на передовой, все увидеть, все сделать, но увы, остается только ждать... Все началось с сообщения Корнилова, который обратил внимание на странную активность японцев. И только я хотел похвалить полковника, что тот начал вести себя по-взрослому, как всплыли остальные детали.

Да, Лавр Георгиевич не полез сразу к черту в пекло. Он сообщил все мне, он проработал маршруты для каждой из групп, отправленных на передовую, он даже под свою ответственность выдал каждой по катушке провода для срочной связи – очень разумно. Но вот потом он не отказал себе в старой привычке рисковать жизнью и тоже полез в тыл к японцам. Причем на самом опасном участке, почти без прикрытия, и только чудом, когда половину его отряда положили, сам Корнилов сумел пробиться назад.

И ведь не накажешь его, что самое обидное. Именно Лавр Георгиевич в итоге и смог добыть ту самую информацию о контрударе японцев. Я при этом тоже что-то чувствовал, но не

мог понять что. Смушало, что Куроки совершенно не подтягивал артиллерию на направление нового удара, но, как оказалось, он смог найти ей временную замену. Несколько тысяч ракет Конгрива! Старье, которое, конечно, не идет ни в какое сравнение с ракетами моего времени. Старье, которое придумали еще во времена Наполеона! Старье, которое наклепали в огромном количестве под Крымскую кампанию, но которое проиграло конкуренцию нарезным пушкам и осталось гнить на складах даже не в метрополии, а в самых далеких колониях.

И вот через полвека англичане – или кто их сюда притащил – нашли им применение. Предложили японцам за относительно накрученную цену, и те не отказались. Восстановили деревянные части, заменили взрывчатку и не пожалели сразу всех запасов для одного массированного удара. Если бы не Корнилов, если бы мы пропустили его, то потери могли быть страшными, а так... Мы вовремя получили информацию, мы вовремя остановились и успели окопаться, переживая самые опасные мгновения первого удара. Как же у меня тогда билось сердце, когда я видел, как тысячи разрывов заполняют собой километры пространства, но в итоге...

Мы успели! Да, потеряли атакующий порыв, да, были вынуждены остановиться, но потери были не такие и большие. Около тысячи человек, из которых большая часть легкие раненые, кто уже скоро снова сможет вернуться в строй.

– Ваше превосходительство, может, пока не будем спешить с новыми атаками? – Лосьев и остальные под впечатлением от японской удали стали осторожнее, чем обычно.

– Вряд ли у них будут ракеты для еще одного такого удара, – я покачал головой. – Нет! Нас попытались отбросить, мы выстояли, так что теперь наша очередь бить.

– Будем обходить Ютбатай? – предложил Борецкий, вернувшийся в штаб с передовой. – Если действовать быстро, то мы сможем отрезать от остальных пару батальонов, а то и целый полк, что пытался идти там вперед.

– А если более дерзко? – я обвел взглядом свой штаб. – Подумайте... Сколько японцы пустили вперед солдат после огневой подготовки?

– От двух полков до дивизии.

– Было бы этого достаточно, чтобы изменить ход боя?

– Нет, но они могли не знать всех наших сил, – задумался Лосьев. – Однако более вероятным будет... Да! Они хотели нас отбросить перед отступлением.

– Я тоже так думаю, – кивнул я. – И тогда нам нужно не обходы устраивать, а...

– Бить в лоб! – рубанул рукой Борецкий. – Пробьем их заслон и ударим по только что оставленным позициям.

– Прямо по центру? – Лосьев еще сомневался. – Если это ловушка, то... В принципе, мы всегда сможем остановиться. А если нет, то просто рассечем весь фланг на две части. И тогда не полк, не дивизия, а целая армия может оказаться в полной нашей власти!

Вот и решили! Мои штабисты засели за карты, продумывая точные маршруты движения для каждого отряда, я же отошел к телеграфу. Нужно было передать сообщения отрядам Бильдерлинга и Зарубаева, чтобы те нас поддержали. Желательно кавалерией! Если Самсонов и Мищенко обойдут японцев с правого фланга, то все это может обернуться даже не частичным, а полным разгромом.

Десять минут ушло на подготовку сообщений, еще час на перегруппировку и подвоз снарядов для ударного отряда, а потом... Мы снова пошли вперед. Шереметев лично повел штурмовые части точно между гвардией Хасэгавы, пытающейся удержать нас у деревни Ютбатай, и 12-й дивизией Иноуэ. Два часа яростной мясорубки, в которой мы лишились всех мобильных мортирных батарей и пулеметов, показали дно запасы гранат, но Степан Сергеевич прорвался. А потом в эту брешь ударили переведенные с левого фланга те самые четыре тысячи конной пехоты, что я все это время держал в резерве.

– Это невероятно... – шептал Борецкий, глядя как конная лавина без всякого противодействия проходит прямо по бывшему центру японских позиций.

Отряд за отрядом достигали каждый своей намеченной точки, спешили и начинали окапываться. Еще час, и японцам придется умыться кровью, чтобы сдвинуть нас с места. Два, и мы просто никуда их не выпустим! Невольно вспомнился один из приказов Второй Мировой, когда немецкое командование запретило своим офицерам игнорировать прорывы русской армии, какими бы незначительными они ни казались. А то небольшой плацдарм за ночь могли окопать так, что даже при поддержке тяжелой техники с ним было совсем не просто справиться.

Умение защищать было у нас в крови, и я тоже собирался использовать его по полной. Вот только геройствовать, даже когда кажется, что надежды нет, умели и наши враги... Выходя во фланг отступающему Куроки и отрезая вырвавшуюся вперед 12-ю дивизию Иноуэ, я, конечно, помнил, что мы окажемся еще и рядом с 4-й армией Нодзу... Хотя какая это армия? Всего две дивизии и одна резервная бригада, 72 легких орудия и 6 эскадронов кавалерии – на фоне армий Оку или Куроки они смотрелись несерьезно. К тому же они еще и новички, которые до этого не участвовали ни в одном серьезном сражении. Когда мы вышли еще и к их мягкому подбрюшью, последнее, чего я ждал, это встречной атаки. Но японцы выбрали именно ее!

Без укреплений, без поддержки артиллерии, без опытных командиров они просто не понимали, в какую бойню себя загоняют, и именно поэтому даже не думали останавливаться. А у нас-то тоже именно сейчас рядом с местом прорыва еще не было пушек. Да, солдаты были опытнее, мы лучше стреляли, лучше двигались, лучше выбирали позиции и не стеснялись поддерживать себя гранатами, но... Японцев было много, они умирали, но шли вперед. Рота за ротой, полк за полком, и эта самоубийственная атака смогла сдержать нас не хуже, чем пара тысяч ракет...

– Солнце село уже давно. Еще полчаса, и будет совсем ничего не видно, надо отходить, – Лосьев стоял рядом со мной, сжимая кулаки.

И он был прав: мы перебили очень много японцев, не знаю, осталось ли вообще хоть что-то от 4-й армии, но... Даже разрозненными отрядами те зубами цеплялись за каждую сопку, и мы ничего не могли с этим поделать. Я мог сохранить за собой поле боя и рискнуть потерять в темноте свою армию или отступить и сохранить ее.

– Отходим, – приказал я, и все, что осталось от нашего ударного кулака, начало откатываться на подготовленные в тылу позиции. – Свежие части вперед и... Мне нужны цифры потерь. Наши и японцев.

Поле боя за рекой Сяошахэ погружалось в темноту, и только завтра мы сможем узнать, чем же все на самом деле закончилось.

Глава 5

Хикару Иноуэ с подозрением смотрел на стоящего перед ним китайца. Можно ли верить самому чжунго? А тому, кто его послал?.. В любой другой ситуации он бы предпочел действовать сам, но Макаров просто не оставил ему выбора. Хикару видел начало последней русской атаки своими глазами, но до последнего не мог поверить, что враг на самом деле решился на что-то подобное. Корпус против армии! Ударил в лоб, выбрав единственно верный момент, и рассек ее на несколько частей, неспособных больше защитить себя!

Как раньше любил поступать Куроки? Посылал гвардию Хасэгавы вперед, имитируя главный удар, а сам обходил врага с фланга. Так вот сегодня Есимити Хасэгаве пришлось столкнуться не с имитацией... 1-я штурмовая дивизия Макарова, которую самому Иноуэ вчера удалось так удачно подловить, сегодня показала, на что она на самом деле способна. Казалось, что в бой опять идут не люди, а самые настоящие ёкаи, которые не знают пощады и усталости.

А тут еще и гвардия подставилась, попытавшись атаковать и потеряв строй – в итоге их смели всего за несколько часов, и неожиданно Макаров, резко выдвинув вперед свою конную пехоту, смог подставить под удар сразу все части рассеченной пополам 1-й армии. О задуманном генералом Куроки спокойном отступлении теперь не могло идти и речи. Да и, вообще, сама идея отступления в тот момент казалась химерой, но... Все изменил Митицура Нодзу.

4-я армия была армией новичков, которые даже под Ляояном не успели ни разу сходить в штыковую. Недавние крестьяне и горожане из Нагои, а часть и вовсе из северного Сэндая. Кто рассчитывал на них всерьез? Точно не Хикару Иноуэ, но недавние мирные жители не знали других примеров войны и учились сражаться у тех единственных настоящих учителей, что сейчас стояли напротив них. У русских! Возможно, это стало той самой причиной, почему они шли вперед так яростно, так цепко держали строй и до последнего не думали отворачивать в сторону. Они не знали, что можно по-другому!

На мгновение Иноуэ даже позавидовал Митицуре: он сам вот так вот на смерть своих повести не решился. 12-я дивизия ведь тоже могла попытаться ударить... Через минные поля, сквозь сплошную линию выстроенных за сутки окопов, наперерез только и ждущим их русским бронепоездам. И, возможно, тогда все вместе они сумели бы еще раз перевернуть бой, но... Иноуэ не поверил сразу в решимость 4-й армии, не поверил в себя, а потом было уже поздно. Ему оставалось только использовать подаренный ему шанс и прорываться обратно на юг.

Увы, уйти из-под удара до темноты он так и не успел. И снова выбор: рисковать и продолжать движение в ночи, ждать утра и надеяться на слабое место в русских порядках или же просто встать насмерть, словно защитники замка Хара, которых вспоминают даже через триста лет. Вот только последнее было бы слабостью – уж слишком нужны были Японии его солдаты. Уходить на запад, забирая как можно дальше от 2-го Сибирского, вот что было бы разумнее всего, но...

На этом пути нужно было не просто прорвать позиции окопавшегося 6-го корпуса, но и найти десятки правильных дорог, чтобы вывести каждый из отрядов, на которые ему придется разделить свои силы. Увы, большая война – это не сказка, когда одной дороги достаточно, чтобы перекинуть десятки тысяч солдат... Иноуэ только представил, в какую колонну они бы растянулись и что бы с ними сделали с утра, когда смогли бы накрыть пушками прямо во время перехода, и это было страшно.

И вот в тот самый момент, когда он замер, пытаясь найти хоть какой-то выход, к нему и пришел китаец с неожиданными дарами. А вернее, с картами, где были отмечены те самые так нужные ему тропы! Возможность спасти всех, если таинственный доброжелатель говорит правду, или же, если он врет, потерять... Тоже всех.

– Час! – Хикару Иноуэ принял решение и повернулся к начальнику разведки 12-й дивизии. – У тебя будет час, чтобы твои люди проверили тропу номер три.

– Если нас заметят, то остальным пройти будет уже гораздо сложнее.

– Если заметят, то третья тропа идет в стороне от остальных, и это лишь отвлечет внимание от тех, где мы на самом деле двинемся на прорыв. Зато мы сможем убедиться, что хотя бы часть карты нас не обманывает.

Да, это было гораздо лучше, чем ничего.

Бегаю между штабной палаткой и наблюдательной сопкой, собирая в кучу все, что случилось ночью. И такое чувство, что у нас чуть ли не украли победу. Не знаю как, но 12-я дивизия Иноуэ, которую мы держали почти в полном окружении, смогла вывернуться и вырваться на открытое пространство. Еще и как это сделала! Разбилась на десяток колонн, и каждая – каждая! – сумела пройти между сопок именно там, где мы не смогли их заметить. Везет японцам!

– Посчитали предварительные потери 4-й армии! – прибежал с новым докладом Лосьев. – Около 7 тысяч погибших! И еще столько же раненых лежит на поле боя – те, кого сами японцы не успели забрать. Носильщики закончили с нашими, теперь начали собирать всех остальных.

Я кивнул, укладывая в голове новые цифры. Похоже, все же японцам не так уж и везет. Всего за день они лишились половины пусть не самой крупной, но тем не менее одной из своих армий. Это еще не считая потерь у Куроки, у которого мы почти полностью вырезали гвардейские части, ну и на другом фланге, где Оку стоял против Бильдерлинга и Зарубаева.

– Отряды Врангеля и Буденного передают первые сообщения! – снова Лосьев, и на этот раз его глаза сверкают.

Нашу кавалерию я отправил в обход еще до рассвета. Думал, что они или пошумят по тылам, добавив паники, или помогут японцам быстрее драпать, если те все-таки решат отступить. Сейчас и узнаем, что же на самом деле решили генералы Оямы.

– И что там? – я тоже говорил громко, чтобы слышали все, кто сейчас стоял рядом.

– Бегут японцы! – рявкнул Лосьев. – Даже не думают где-то останавливаться, а бегут, бросая застрявшие обозы!

Впервые за несколько дней я позволил себе выдохнуть и расслабиться. Этот бой дался нам непросто. Убитых по самым скромным подсчетам – около полутора тысяч, раненых – раз в пять больше, корпус на ближайшие недели сократился на треть. А если брать тех, кто прямо сейчас был готов продолжать бой, то и в два раза. Но мы победили! Отбросили врага от единственной естественной преграды на сотни километров вокруг, и теперь... Японцы смогут нас встретить разве что на границе Кореи и Квантуна.

Я погрузился в свои мысли и почти не слышал, как солдаты вокруг, то один, то другой, начали кричать «ура». Сначала отдельные звуки стали сливаться в одну волну, и, ощутив момент, я вскинул вверх правый кулак. Мы победили! Мы гоним врага назад! И у нас есть немного времени, чтобы насладиться этим мгновением! Но именно мгновением. Война – это не только маневры, не только честные и подлые удары друг по другу, но еще и умение использовать чужие слабости. Даже когда ты сам совсем не полон сил.

– Арсений Петрович, – я повернулся к Лосьеву и решительно двинулся обратно в штаб. – Через час чтобы все отправились спать, но пока... Нам нужно собрать тех, кого мы сможем отправить за японцами, чтобы им жизнь медом не казалось.

– Но ведь там уже Врангель и Буденный есть, – ответил штабист. – С ними еще Павел Кутайсов, которого вы поставили на свежие пополнения. Три тысячи кавалерии – они любой небольшой отряд, отбившийся от главных сил, просто сметут.

– Именно что отбившийся, – я покачал головой. – А мне нужно, чтобы мы как раз те самые главные силы тоже потрепали. Так что пусть Зубцовский собирает все пулеметы, что у нас остались, и тоже туда.

– Его ранили, – отвел взгляд Лосьев.

– Тогда пусть теперь уже Славский его прикроет, – решил я, припомнив, как поручик сумел показать себя в последний день. – А еще...

– У нас должно быть еще около тридцати горных пушек, плюс еще столько же у Нодзу захватили, – вмешался в разговор подошедший Брюммер. – Если поставить их на телеги, то с ходу, конечно, стрелять не сможем, но вот быстро подводить и бить – вполне.

– Мы так возили мортиры, но те-то стреляли навесом, можно было не подставляться, – тут же возразил другу Лосьев. – А тут... Выйдете на прямую наводку, вас японцы и накроют.

– Если будем работать вместе с кавалерией и тачанками, не накроют, – набычился Брюммер.

– И кто поведет эти пушки? – я внимательно посмотрел на молодого штабиста, уже зная ответ.

– Я и поведу... Только провода для связи дайте. И отряд связистов, чтобы пулям не кланялись. И мы уж позаботимся, чтобы японцы это отступление в кошмарах вспоминали!

– Будут!

Подготовку мобильного отряда для преследования отступающего врага я хотел уложить в час, но в итоге еле-еле справились за три. Все-таки хаос после сражения был еще тот. И это у нас. На другом фланге, где вроде бы и поспокойнее было, все почему-то оказалось гораздо хуже. Я ведь связался с Бильдерлингом, даже поймал его на месте и убедил тоже отправить кого-то вслед за японцами, но... У них там просто не было связи с кавалерией, которая гуляла где-то за горизонтом. А когда смогли до них все-таки достучаться, было уже поздно.

Не в том смысле, что поздно гнаться за врагом, а в том, что пришли новые приказы.

Снова Ляоян, снова высокие гости и большие начальники.

– Вячеслав Григорьевич, поздравляю вас с успехом, – великий князь Борис, который потерял было во время сражения привычную уверенность, ожил и снова сиял румяными щеками.

– Вячеслав Григорьевич, скажу честно, ждал от вас многого, но вы все равно удивили, – вслед за ним мне пожал руку и Линевич.

– Брат писал, еще неделю назад, – Бильдерлинг тоже подошел поближе и склонился к уху. – Они договорились с Путиловским о работе над грузовиками, так что уже скоро ждите большую посылку.

Последним, кто пожал мне руку, пусть и без лишних слов, был Плеве. Все же остальные предпочли ограничиться просто кивками. Зарубаев – глядя куда-то сквозь меня. Алексеев – пожимая плечами. Витте – с милой, подбадривающей улыбкой. И великий князь Сергей Александрович – тоже с улыбкой, от которой по спине сразу побежали мурашки. Какого бы успеха ты ни добился, если твои противники – а последних двоих я точно готов записать в этот список – так довольны, то это не к добру.

– Господа, мы собрались сегодня по очень хорошему поводу, – первым взял слово Сергей Александрович. – Вы все принесли очередную победу русскому оружию, о чем я уже отписал государю. И он был очень впечатлен вашими успехами. Вы подтвердили славу наших предков: встретили врага, отбросили его, а теперь готовы гнать прямо до его грязного логова.

До этого великие князя меня особо не хвалили, так что какая-то часть старого Макарова была искренне рада подобным теплым словам. Другая же, натренированная поручиком Огинским, куда смотреть и на что обращать внимание, сразу же зацепилась за акценты. Вы принесли победу, вы подтвердили славу... Сергей Александрович был готов признать победу Линевича и всей армии, но не мою и не 2-го Сибирского. И ладно бы дело было только в славе – очевидно же, что одними словами все это не закончится.

– Я уже прочитал ваши первые отчеты, – продолжал тем временем великий князь, – и понял, что самые тяжелые потери понес отряд Вячеслава Григорьевича. В связи с этим пред-

лагаю доверить наступательную операцию свежим частям, а 2-й Сибирский мог бы, например, поддержать армию с фланга и использовать это время для восстановления. Николай Петрович, вы же справитесь?

Сияющий взгляд остановился на Линевице.

– Справимся, – недовольно поморщился, но все же кивнул генерал. – Скажу честно, я бы предпочел и дальше иметь возможность рассчитывать на Вячеслава Григорьевича.

– Иногда нужно уметь быть благодарными, – Сергей Александрович продолжал блистать улыбкой. – Генерал Макаров заслужил немного отдыха.

Перед этой встречей я готовился к тому, что меня могут опять попытаться отправить поближе к Санкт-Петербургу, и был готов стоять до последнего. Вот только великий князь придумал способ хитрее: никаких резких решений, но в то же время между мной и продолжением войны словно разом выросли непроходимые горы. После встречи я подошел к Линевицу и уже детально расспросил, какую конкретно задачу для нас оставили и... Сергей Александрович действительно постарался: нам предлагали взять и удержать Инкоу.

Без флота и когда враг точно ждет нашего появления! В такой ситуации японские капитаны уж позаботятся, чтобы мы не сумели до них дотянуться, как было во время рейда Хорунженкова. А они в свою очередь хоть несколько месяцев кряду будут обстреливать нас, не давая закрепиться в городе и дожать его защитников. На сколько мы в итоге застрянем под Инкоу, пока остальные части будут прорываться к Порт-Артуру, решая исход войны?

И что самое обидное: если Линевиц не справится, все мои прошлые успехи будут зря. Если же доведет дело до конца, то опять же наша роль будет казаться сущей мелочью, и мое возможное влияние на подготовку страны к новой большой войне будет сведено к нулю. Твою мать! Я врезал кулаком по столу. И это когда мои корейские части могли бы так помочь при штурме своих родных городов? Когда именно 2-й Сибирский показал, что умеет прорывать японские укрепления? Нас просто отбрасывают в сторону...

– Я не смог отказать великому князю, его просьба была вполне разумна, – Линевиц, было видно, не привык извиняться и сейчас наступал на горло всем своим привычкам.

– Я понимаю.

– И я тоже понимаю вашу обиду, в свою очередь хочу сказать... Если вы возьмете Инкоу, если сможете обеспечить невозможность появления там японского флота, то... Я не буду никого слушать и только поддержу появление вашего корпуса на Квантунском полуострове.

Хорошая задача... Обеспечить невозможность высадки противника – без флота! Обида пыталась затопить меня изнутри, но я сумел взять себя в руки. С другой стороны, задача – да, непростая, но в то же время вполне конкретная. Сложная, тяжелая, но... Разве невыполнимая? Стоило мне побороть обиду, стоило сосредоточиться не на несправедливости, а на том, что реально можно было сделать, и в голове тут же стали прорисовываться детали плана.

Захватить город, уничтожить отряд миноносцев и целый броненосный крейсер, которые сейчас прикрывают восток Ляодуна – почему бы и нет. Просто нам нужно будет хорошенько подготовиться.

Всю следующую неделю мы приводили себя в порядок. Иногда отвлекались на новости от нашего мобильного отряда, но в целом почти все силы уходили на восстановление боеспособности. На одни рельсы, которыми мы застелили все свои позиции и которые теперь нужно было собрать, уходило огромное количество людей. Их ведь не только развинчивали, но еще проверяли и отсортировывали. Часть на выброс, часть на калибровку и выравнивание, часть сразу в запасы наших уже почти официальных железнодорожных частей. То же самое со шпалами, которые мы использовали на мягких участках, или балками для блиндажей.

Конечно, можно было все бросить, понадеявшись на интендантов, новые поставки и могучий русский авось, но это не наш путь. Поэтому мы снова копали, разгребали завалы...

А уж что творилось в госпиталях! Я запретил лечить японцев в ущерб нашим раненым. Перевозка в тыл, обработка ран, выделение мест – все это разрешалось делать только когда были закончены все работы по своим. Отдельное возмущение вызвал мой запрет на работу сверхурочно. Слащев с Вреденом приходили, пробовали скандалить, но ничего не добились и в итоге, кажется, решили перейти к тяжелой артиллерии.

Я заметил, как ко мне быстрым размашистым шагом шла княжна Гагарина.

– Я думал, вас отправят раньше, – первым заговорил я сам, сбивая девушку с толку.

– Что? – та действительно смутилась. – Вы шутите?

– Ничуть. Действительно думал, что наши светила медицины, зная о нашей дружбе, отправят вас раньше.

– Думаете, мы друзья? – девушка еще больше растерялась.

– Конечно, – кивнул я. – У меня их не так много, но вы точно входите в их число. А это значит, что как минимум мы можем говорить прямо, не пытаюсь запутать друг друга красивыми словами.

– Тогда зачем вы меня смущали? – тут же подобралась княжна.

– Я не только смущал, – я невольно улыбнулся. – Еще хотел, чтобы вы на самом деле ответили. Так почему вы не пришли раньше?

– Была занята ранеными, времени не было совсем.

– Собственно, вот и ответ на все вопросы, что вы могли мне задать. Я не разрешаю нашим работать с японцами, потому что у них тогда не будет хватать времени на своих.

На самом деле все было не так печально. Полевые фельдшеры, закончив с выносом наших раненых, смогли взять за первичную обработку ран японцев. Хирурги тоже скоро начали освобождаться, так что процесс шел, и я был уверен, что не меньше двух третей оставленных нам на попечение солдат в черно-красных мундирах мы удержим на этом свете. Но русские доктора не были бы собой, если бы не хотели большего.

– Я знаю многих наших, кто был бы готов задерживаться на несколько часов, чтобы спасти больше жизней. Но вы даже это запретили! Почему?

– Вы сильно уставали в эти дни? – ответил я вопросом на вопрос.

– Конечно.

– Допускали ошибки с недосыпа?

Княжна покраснела.

– Вы хотите сказать, что мои доктора, перерабатывая с японцами, могли бы ошибаться потом? С нашими солдатами?

– Не обязательно даже ошибаться. Не выпавшись, доктор к кому-то не подойдет, когда будет нужно. Не перепроверит симптомы, как сделал бы в любой другой день. Спасать жизни важно, но японцы сами выбрали стать нашими врагами. Скажу честно, если бы у меня был выбор, спасти одного своего солдата или тысячу чужих, я бы даже не думал.

– Это жестоко.

– Это честно по отношению к тем, с кем я сражался плечом к плечу. И пусть я не могу повлиять на госпитали в других отрядах, но у нас... Все будет именно так.

– Я... понимаю, – неожиданно согласилась со мной княжна.

Слащеву и Вредену я рассказывал примерно то же самое, но эти двое словно фанатики уперлись в спасение жизней любой ценой и ничего не хотели слушать. И почему-то я был очень рад, что Татьяна оказалась совсем не такой. Настроение скакнуло на пару градусов вверх, и даже недавнее приглашение от полковника Пикара на важный разговор больше не вызывало у меня раздражения. Хотят французы поговорить в неформальной обстановке, ну и поговорим. Почему бы и нет.

Глава 6

Алексей Алексеевич Огинский думал, что еще долго не придет в себя после поступка брата – надо же, хотел скрутить его! Вот только большое сражение, за время которого поручик почти не спал, носясь туда-сюда по заданиям Макарова, как-то быстро прочистило ему голову. Он не то чтобы простил Владимира, скорее оценил его решимость добиваться своего любой ценой. Ему самому этой фамильной черты характера иногда так не хватало.

Вот как под конец сражения. Ванновский с Корниловым перетянули всех людей для работы на передовой, и он пошел у них на поводу. А в итоге что? Опасность пришла оттуда, где было тонко – с тыла! Именно здесь ведь нашелся тот таинственный доброжелатель, который помог 12-й дивизии выбраться из окружения. Поручик уже провел первичное расследование: следов пока не было, но в самом факте помощи он уже не сомневался.

– Ваше превосходительство, – встретил он Макарова, которого должен был сопроводить на встречу с французами. Тоже то еще мероприятие...

– Есть новости по той ночи? – тут же подобрался генерал.

– Есть! – закивал Огинский. – Вы же знаете, что я зарисовал все схемы отхода японцев: и все их отряды, даже самые малые, двигались строго по нашим рокадным дорогам. И пусть часть из них – те, что старые китайские – им могли сдать местные. Но вот новые, которые нестроевые части готовили именно под этот бой, без помощи изнутри им было бы не найти. Точно не так быстро, не в темноте и не без ошибок!

– Да, я помню ваши сомнения и полностью согласен с ними.

– Так вот, просчитав маршруты отхода, я пошел проверять раненых, которые прибыли с этого направления. И хочу сказать, что в 6-м корпусе в этом плане творится настоящий бардак. Вы представляете, там даже не фиксируют, где и когда они подобрали того или иного солдата...

Огинский так увлекся воспоминаниями о походе в соседний госпиталь, что не заметил легкую улыбку на губах Макарова. Словно тот был и согласен с ним, и в то же время прекрасно понимал, почему все остальные еще не готовы так быстро меняться.

– И вы кого-то нашли? – спросил генерал.

– Так точно! Пришлось потратить много времени, чтобы опросить всех, кто мог нам подойти, но в итоге я нашел четверых солдат, которых контузило недалеко от одной из троп. Так вот они видели отходящих японцев! Долго не создавались, стыдились, что не решились ничего сделать...

– Ну да, четверо против пары рот? Или сколько там шло именно мимо них?

– Я им то же самое сказал, но их ефрейтор все равно остался при своем мнении. Что надо было шуметь, предупреждать остальных, и будь что будет! Он ведь так и собирался сделать, если бы японцы повернули в сторону наших. Но те уходили прямо на юг, и он просто не решился.

После того разговора Огинский долго думал, а что бы он сам сделал в такой ситуации. Пожертвовал бы собой или бы тоже выжидал до последнего, и найти ответ так и не получилось. Возможно, с некоторыми вопросами можно разобраться только когда приходит то самое время...

– Оставим тему подвигов, – Макаров развел руками, – пусть люди сами решают, когда на них готовы. Наше же дело маленькое: сделать так, чтобы мы могли победить и без них. Но что эти четверо видели?

– Карты! – выпалил Огинский. – Японские офицеры определенно шли по картам, сверяясь с ориентирами и компасом. Но это были не готовые карты, а зарисовки на обычных листах бумаги. Понимаете?

– Значит, информацию они получили в последний момент и нормально подготовить материалы для своих офицеров у них времени не было, – только и кивнул Макаров. – И что дальше? Это может нам как-то помочь выйти на помощника японцев?

– На первый взгляд, нет, – ответил Огинский, но через мгновение гордо вскинул голову. – Но помните же про те тропы, что я зарисовывал в самом начале? Девять из них были на всех наших картах, что дает уж больно широкий круг подозреваемых. Но одна... Совсем свежая прокладывалась для будущей железной дороги! Ее не было в общем доступе, только у очень ограниченного круга лиц, и теперь надо будет просто их проверить!

– Этот круг, а еще рабочих, что принимали участие в прокладке. Ну, и случайных любопытствующих, которые не должны были, но вполне могли получить доступ, – Макаров напомнил, что в таком деле не стоит спешить, и Огинский закивал.

Да, будет непросто, но, главное, он взял след, ему есть с чем работать, а значит, нужно просто довести свое дело до конца. Тем более, что несколько человек он проверит в первую очередь. Окружение брата и Витте – они вполне подходили под определение тех, кто не должен был, но мог получить доступ к полной карте. А еще Казуэ Такамори! Японка, еще недавний враг – и этим все сказано!

Тем временем они дошли до фанзы французского посланника, и там их уже ждали. Некоторые не обращают внимание на определенные мелочи, но Огинский сразу приметил, что прислуга зажгла все фонари вокруг дома. А не только те, что на главной улице. Также утром ему доложили о том, что французы заказали свежие продукты. Ну, и последнее – помощник посланника ждал их прямо у входа в парадном мундире, даже не подумав накинуть верхнюю одежду. И это под промозглым сентябрьским ветром! В общем, достаточно зацепок, чтобы твердо сделать вполне определенный вывод.

– Вас ждут, – шепнул Огинский Макарову. – Французы очень рассчитывают, что им удастся с вами договориться.

Макаров кивнул, благодаря поручика. Следующие пара минут ушли на положенные по этикету реверансы сначала с помощником посланника, а потом и с полковником Пикаром, который на этот раз был один. Слишком суетливого и резкого Гастона Думерга во избежание повторения ситуации на прошлом приеме решили на этот раз оставить в стороне. Желание французов договориться оказалось даже больше, чем ожидал Огинский.

А вот генерал как будто даже и не сомневался в том, что все будет именно так.

«Не знаю, смогу ли я когда-нибудь обрести подобную веру в себя, – невольно подумал Огинский. – Не знаю, но очень хочу!»

Мари-Жорж Пикар пригласил своих гостей в малую гостиную, где обычно проходят встречи только со своими. Они с Думергом решили выстроить отношения с новым русским Скобелевым через уважение. Русские ведь, всем известно, теряются, если начать признавать их заслуги. Именно поэтому люди Пикара всячески демонстрировали гостям уважение, а сам полковник планировал действовать максимально искренне – еще одна черта, которую от него тоже не будут ожидать.

– Вот что мы хотели бы вам предложить, – Пикар подвинул Макарову список 37-ми и 47-миллиметровых скорострельных пушек, которые Думерг был готов снять с французских кораблей. – Если вы согласитесь, то уже сегодня мы начнем их погрузку на транспорты в Ханое и перевезем в любой указанный вами русский или нейтральный порт.

– Цена? – Макаров совершенно не выглядел удивленным.

– Министр колоний Думерг готов уступить вам их по довоенным расценкам. 10500 рублей за тридцать семь миллиметров, 13500 – за сорок пять.

– Двести пушек, в среднем по 10 тысяч рублей, – Макаров сидел с каменным лицом. – Итого вы хотите получить с меня два миллиона?

– Не с вас, – осторожно возразил Пикар. – Разве военное министерство откажет вам в такой скромной сумме на так нужные армии орудия?

– Видимо, вы все же недостаточно хорошо подготовились к этому разговору, – Макаров неожиданно искренне улыбнулся и переглянулся со своим спутником. – Военное министерство не потратит на меня и рубля сверх того, что положено и не может быть отменено – это раз. А еще я точно не уполномочен вести переговоры от лица кого-то кроме себя самого – это два.

– То есть пушки вам не интересны? – нахмурился Пикар. – Но в прошлую нашу беседу вы определенно выразили к ним интерес. Если это была шутка...

Полковник оборвал сам себя на полуслове. Ведь хотел же вести себя совсем по-другому, но этот русский – он словно одним своим видом провоцировал его на резкость.

– Пушки меня интересуют, – сам Макаров ответил ему совершенно спокойно. – Однако я хотел, чтобы вы с самого начала понимали, что если и буду тратить деньги на наши общие дела, то только свои.

– И у вас есть два миллиона? – удивился Пикар.

Он заметил, что спутник Макарова хотел было того остановить, но генерал успел ответить.

– Есть, в том или ином виде... Но платить полную стоимость за ваше старье, от которого Франция сама не знает, как избавиться, я, конечно же, не буду. Так что, если нам и продолжать, то, во-первых, вам придется добавить хотя бы одну батарею 152-миллиметровых пушек Канэ, во-вторых, снаряды, и в-третьих, сбросить цену минимум раза в три.

Пикару показалось, что он перестал дышать.

– Вы же понимаете, что это невозможно?

– А вы понимаете, что русская 76-миллиметровая пушка обходится казне всего в 3 тысячи рублей? А вы хотите в разы больше денег за более слабые и старые орудия?

Разговор свернул в том направлении, которого Пикар ожидал меньше всего. И как же хорошо, что он не взял с собой Думерга – тот бы уже точно покраснел, как помидор, и начал плевать ядом. Сам же Пикар на подобный торг по делу смотрел гораздо проще, тем более что и ему было что ответить.

– Три тысячи рублей русская армия платит за ствол и лафет, а вот минимальный комплект в три зарядных ящика по 36 снарядов в каждом обойдется еще в 7 тысяч. Учитывая нормы военного времени, добавим упряжь, щиток – и вот уже все 20 тысяч, не считая наценок от нечестных торговцев и стоимость доставки.

– Итого 20 тысяч за современную пушку в полном обвесе, – спокойно согласился Макаров. – А что вы готовы дать за десять тысяч?

Пикар невольно отметил, как они уже окончательно округлили цену за французские пушки в меньшую сторону, но спорить из-за такой мелочи сейчас уже было поздно.

– Ствол, лафет... – начал было он.

– Морской лафет? Не нужно, – тут же отмахнулся Макаров.

– Ствол, снаряды... – Пикар задумался. – В наши ящики их помещается по 48 штук, а на складах Ханоя их довольно много.

– Наши новые стоят 7 тысяч за 3 ящика, думаю, с учетом отказа от лафета вы могли бы дать девять.

– Шесть ящиков! – поперхнулся Пикар.

– Согласен, – Макаров тут же кивнул, заставив полковника мучительно пожалеть о своей поспешности. – Что же касается 152-миллиметровых пушек?

Русский генерал явно рассчитывал на самые современные французские орудия, но тут уже Пикар не собирался его жалеть.

– Стоимость ствола – 14 тысяч рублей, лафет – 18 тысяч, боекомплект на 500 снарядов – 77 тысяч. Итого 109 тысяч рублей за одно орудие. И это цена, которую Франция еще и не у каждого готова взять, если вы понимаете, о чем я.

– Значит, 91 тысяча без лафета, – задумался Макаров, словно ни мгновения не сомневаясь, что ему-то никто ни в чем не откажет. – Снарядов тоже можно раза в два меньше, думаю, мне хватит. Итого уложимся в 50 тысяч, двести – за батарею из 4 орудий. Два миллиона двести тысяч за все, что вы можете мне предложить. Все верно?

– Верно, – Пикар сглотнул, только сейчас осознав, о каких суммах они говорят.

– Тогда осталось договориться об условиях кредита, в который вы все это отпустите, и можно обсуждать, что именно вы хотите получить сами.

Макаров откинулся на спинку своего кресла и, пользуясь повисшей паузой, налил себе чая.

– Алексей Алексеевич? – предложил он его же своему спутнику.

Тот, впрочем, как и сам Пикар, был слишком взволнован, чтобы что-то ответить. Еще бы, два миллиона – к черту хвостик сверху – в кредит не государству, а обычному человеку! Да где это видано!

– Кстати, в рамках нашей возможной сделки хотел бы предложить вам кое-что от себя, – где-то через минуту Макаров опять нарушил паузу и пододвинул вперед лист бумаги.

Значит, тоже готовился к встрече, причем именно к этому моменту... Пикар с новым интересом протянул руку вперед, разворачивая схему странной машины. Три оси, броня, пушки, способы применения – перевозка пехоты, поддержка огнем наступательных операций, прорыв вражеских позиций.

– Что это? БМПП? – прочитал он название.

– Бронева машина поддержки пехоты, – ответил Макаров. – Скажу честно, те пушки, что я планирую от вас получить, пойдут, прежде всего, на эти милашки. Шасси подготовит Путиловский завод, броню – мои мастерские, тактику применения – уже я лично.

Генерал широко улыбнулся, и Пикар неожиданно увидел его предложение с другой стороны. Ведь Макаров действительно не только офицер и дворянин, у него есть и коммерческие успехи. Например, стальные русские каски, заполнившие их армию, уже себя зарекомендовали, и те же японцы, увидев их в деле, готовы платить любые деньги, чтобы перекупить их у китайских контрабандистов. А что будет, когда об этом узнают в других армиях? Патент на русскую каску легко перекроет те же два миллиона всего за пару крупных заказов, и это не считая других возможных успехов генерала.

Совместное предприятие начинало выглядеть уже не так вызывающе.

– Сколько стоит эта машина? – спросил Пикар.

– Учитывая, какие цены на орудия мы недавно обсуждали... – начал Макаров, и француз неожиданно понял, что весь разговор до этого был лишь подготовкой к этому моменту. – Сто тысяч за железо. Двести – если вы захотите, чтобы мы подготовили еще и экипаж.

– А туда помещается сколько?

– Одно отделение, десять человек пехоты. И отдельно водитель, командир и стрелок.

– Тринадцать человек за сто тысяч рублей?

– За обучение, которое вы не получите больше нигде в мире.

– А что вы думаете, – Пикар решил, что пришло время обозначить его последний козырь, – если Третья республика наградит вас за помощь в обучении нашей армии? Орден, возможно, что-то большее?

– Я скажу спасибо, но...

Полковник видел, что Макаров уже было почти отказался, но тут вмешался его спутник. Одно касание, обмен взглядами, и русский генерал тут же поменял свое мнение. Очень короткий эпизод, но он неожиданно позволил Пикару понять, в чем на самом деле сила этого нового

русского таланта. Он ведь до этого все никак не мог понять, почему тот так легко готов учить иностранцев, почему так просто отказывается от опыта, который мог бы приносить России успехи еще с десятков лет. Глупость, наивность, идеализм... Он действительно рассматривал и эти варианты, но только раньше.

Сейчас все стало очевидно. Обучив французских офицеров, этот генерал создавал бы проблемы для всех тех, кто столкнется с ними в небольших кампаниях по всему миру. То есть для Англии и Германии. А вот если бы дело дошло до большой войны, где уже и Россия могла бы оказаться врагом Третьей республики, то весь этот опыт неожиданно начал бы играть против Франции. Почему? Потому что сам Макаров доверял своим офицерам, их опыту и умел слушать их советы. А вот во французской армии ни один из старых генералов точно бы не опустил до такой глупости. И все технические новинки, весь новый опыт разом стали бы просто бесполезны.

Разве что ему, Пикару, удалось бы протащить на самый верх кого-то вроде французского Макарова или же... Сделать так, чтобы настоящий Макаров не смог подняться у себя на родине. Тоже ведь вариант.

В итоге мы договорились. Французы пришлют сорок семь своих офицеров, которых я раскидаю по 2-му Сибирскому, и плата за обучение будет зачтена как первый взнос за обещанные нам пушки. Учитывая, что свободных денег у меня сейчас нет – вполне удачная сделка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.